

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Наши души обожгла война

Народная летопись
выпуск 1

Торопец
2008

Абрамова Валентина Христофоровна

Рубежи жизни...Где он, твой рубеж? Думаю, что не знаешь. У каждого он свой.

Позади 81год долгого жизненного пути, но стоит закрыть глаза, и замелькают в мозгу картины прожитого, начиная с самого раннего детства...

Родилась я в бедной крестьянской семье, спустя 10 лет после Октябрьской революции, в 1927 году. Детство прошло в Терехове – небольшой деревне из трех домов. В семье нашей было трое детей. Старшие брат и сестра рано уехали из дома, я осталась одна на всю деревню на весь день. Мне еще не было семи лет, а я уже имела немало обязанностей: собрать и нарубить травы, встретить из поля свою и соседскую скотину, полить огород. В 9 лет мать отвела меня в школу в Понизовье, а в 1937 году в Понизовье переселили и всю нашу деревню. В семье по-прежнему не было достатка, но и уныния у людей не было: примерно так жили все. Дети учатся, никто не болтается, нет сквернословия и хамства. Жизнь течет по привычному руслу. Так наступал 1941 год.

А 22 июня прозвучало страшное слово «война»... Через неделю в деревне не осталось ни одного мужчины, кроме нескольких стариков. Мой отец, воевавший еще в Первую мировую, по возрасту в армию не призван.

Лето в разгаре, продолжается работа в колхозе. Мне идет четырнадцатый год, но я и мои ровесники сразу стали взрослыми. Мальчишки сели на лошадей: машин в колхозе еще не было. Я вместе с отцом ходила на сенокос.

Вскоре война подошла к нам вплотную. Через Понизовье, на восток, к Андреаполю потянулись первые группы беженцев. Женщины на тележках и на плечах тащили пожитки и маленьких детей, дети постарше шли сами. По той же дороге на восток погнали стада колхозного скота, угнали и стадо нашего колхоза.

В июле мы увидели на дороге группы наших солдат, многие были забинтованы. У меня всякий раз сжимается сердце, когда я мысленно вижу их лица. На них боль и страдание. Идут они не колоннами, а небольшими группами, многие без оружия. Почти не вступают в общение с жителями, ничего не просят. До сих пор думаю, чем они, бедные, питались, где была их остановка?..

В конце июля, едва село солнце, раздался страшный грохот, в небо взметнулось красное зарево. Это был первый налет немцев на Торопец, бомбили военную базу у железнодорожной станции. В августе движение на восток уменьшилось. Где фронт, мы не знали. Все разговоры на эту тему строго пресекались. Помню, как мою пожилую тетку арестовали за пересказ слышанного о том, что фронт уже недалеко. К тому времени движение на дороге совсем прекратилось. А в предпоследний день августа, уже на закате, в наш конец деревни прибежала женщина и прокричала: «Велено всем жителям уходить из деревни, утром здесь будет бой. Так сказал командир...»

В считанные минуты были запряжены лошади. Женщины погрузили на телеги узлы, никто не старался взять больше... Привязали к телегам коров, и наш обоз двинулся к оврагу, за два километра от Понизовья. Такой совет –

укрыться в лесу – дал нам тот командир. Помню, я подгоняла за коровой теленка, а отец задержался, чтобы зарыть в яму на огороде вещи. Уже начинало светать.

Наш обоз не отъехал и на километр, как за мостом застрочил пулемет – значит, немцы подошли к реке. Потом раздался сильный взрыв. Это наши подрывники взорвали мост через Торопу. С восточной стороны на деревню полетели снаряды - ударили по немцам наши пушки, они стояли за деревней на пригорке. На берегу около взорванного моста стояло здание пекарни, немцы быстро разобрали его и устроили новый мост. Пушки продолжали стрелять по вступившим в деревню немцам. После мы увидели около десяти могил. Это немцы похоронили своих солдат, а наши убитые бойцы (их было человек семь) еще неделю продолжали лежать, до возвращения домой жителей деревни.

А тогда наш обоз буквально свалился в овраг за деревней Шепкино. Я немного пришла в себя от страха и увидела, что отца нет. Отчаянье сковало душу. Понизовье горело. В небе были видны зарево и черный дым. Потом зарево исчезло, все стихло. Отец все не появлялся, я продолжала плакать, не в силах думать ни о чем другом. Уже наступил вечер, когда отец наконец пришел. Он рассказал, что только он собрался бежать, как снаряды стали накрывать наш край деревни. Забравшись в бывшую картофельную яму на усадьбе соседа, отец увидел, как стали загораться дома. Один снаряд попал в наш хлев и сарай. Пламя могло вот-вот охватить избу. Тогда отец выскочил из ямы и, набирая воду в огороде, стал обливаться стены избы. Когда обстрел прекратился, пожары еще догорали, в центре деревни горел медпункт...

Наш обоз еще двое суток продолжал оставаться в овраге, потом мы вышли и направились в деревню Шепкино – никто не решался пойти домой. Через два дня мы впервые увидели немцев: в деревню на мотоциклах буквально влетел их отряд. На минуту остановились, побормотали и уехали...

Через неделю мы вернулись домой. На месте наших дворовых построек валялись головешки. Дверь в избу была открыта – видно было, что немцы заходили. У нас в комнате над столом в большой раме висели фотокарточки.

Угол стекла, за которым стояла небольшая фотография И.В. Сталина, был разбит. Карточка вынута и разорвана на горле... Помню, как я тогда испугалась за свой пионерский галстук. Его немцы, слава богу, не обнаружили, и я его быстрее перепрятала.

Началась жизнь в оккупации, полная неизвестности и страха. Временами отряды немцев останавливались в деревне на постой. Одни уезжали, их сменяли другие. В эти дни я чувствовала себя бедной кошкой, которая боялась быть раздавленной кованым сапогом, и опрометью бросалась с дороги идущего немца. Как-то в деревне остановился конный отряд эсэсовцев. Это были высокие, здоровые, со свирепым выражением лиц молодые немцы. Они разместили своих лошадей в нашей школе. Поставили их и в теткин сарай, где лежало сено для нашей коровы. Когда эсэсовец вывел коней на водопой, отец попытался взять немного сена, чтобы положить корове. Вернувшийся немец увидел это. Он выхватил из рук отца вилы и намахнулся, с силой толкнув его. Отец упал. Немец грубо закричал и отбросил вилы в сторону. ...Сено наше

кони стоптали. Корову кормить было нечем. Мы с отцом собирали сгнившее из брошенных колхозных копен...

В конце декабря к нам пришел староста, он приказал отцу прицепить к саням другие сани-дровни и подъехать к его дому. Сказал, что отец вместе с другими стариками должен ехать с немцами. Я сразу побежала к тем, кого назвал староста. В их семьях были мальчишки – мои ровесники. Их было трое и я. Мы быстро сговорились, что поедем вместо отцов. Запряженные лошади с прицепленными санями уже стояли у дома старосты. Из дома вышла группа немцев, они явно нервничали. Увидели ездовых – мальчишек и меня, махнули мальчишкам, и наш обоз двинулся. Моя кобыла никак не хотела трогаться с места и в ответ на мои понукания только била задом о сани. На санях со мной сидели двое немцев. Один вырвал из моих рук вожжи, рывкнул, и кобыла рванула с места. Погода была холодная, день близился к вечеру. Куда мы едем, нам не сказали; знаю, выезжали в сторону Торопца, потом свернули на Талицу, проехали деревню Папортно...

Уже наступила ночь, когда мы въехали в Бридино, во двор школы. Там горел свет, гудел электродвижок. Лежали штабели ящиков, сколоченных из новых досок, размером примерно метр на метр. Ящики были не похожи на снарядные. Стояли конные повозки, стоял часовой. Было видно, что немцы везли ценный груз. Лошади сильно устали, вот немцы и организовали подкрепление, собрав свежих лошадей и сани для замены повозок на колесах. К нам вышел переводчик, завел в дом. В комнате горел свет от движка, на столе стояла небольшая елка – немцы отмечали Рождество. Переводчик сказал, чтобы мы выпрягли лошадей, взяли их и шли ночевать в деревню. Наутро мы должны были вернуться, чтобы продолжить с обозом путь.

Один из мальчишек, Володя Николаев, был повзрослее. Он собрал нас в круг и сказал: «Завтра нас не отпустят. Мы сейчас с лошадьми выйдем за деревню, если остановит часовой – скажем, что идем в Папортно, здесь нас не пустили ночевать...» Часового мы не встретили. Выйдя за деревню, сели на лошадей верхом. Мы захватили с собой даже сбрую – колхозное добро мы привыкли беречь... Моя кобыла опять проявила свой нрав: почувствовав опустившуюся под пузо седелку, взялась лягать задними ногами. Но скоро умное животное успокоилось и пустилось догонять остальных.

В полночь мы въехали в Папортно, отыскивали старый колхозный сарай, привязали лошадей, поскребли для них в углах сенной трухи и пошли проситься на ночлег. Нам открыла старуха. Мы попросили пустить нас и разбудить на рассвете, сказали, что убегаем от немцев. Старуха разрешила залезть на печку. Мы согрелись и заснули. Еще затемно старуха нас разбудила. Мы сели на лошадей и скоро были дома. Только потом мы осознали, какой опасности подвергались. Вероятно, у немцев просто не было времени вернуться в Понизовье и расправиться с непослушными. Не только нам, но и нашим родным, а может, и всей деревне угрожала опасность, но судьба нас миловала...

Наступил январь 1942 года. Продолжалась жизнь, наполненная тревогой и неизвестностью. Было очень холодно и много снега, общение между соседями совсем ограничено. Даже вездесущие ребята почти не появлялись на улице.

Страшно было встретиться с немцем, особенно на дороге за деревней в лесу. Сообщение с Торопцем прекратилось. Хозяином в деревне был староста Игнат, до войны он работал в деревне кузнецом, человек суровый, необщительный. Был у него помощник Федор, да два парня из соседней деревни стали полицаями. До нас дошел слух, что в деревне Ерофеево повесили бывшего председателя сельсовета Петрова. Он был хромой, поэтому его в армию не призвали. И вот по доносу полицаев за ним явились немцы. Привязали его к лошади и так волокли до большака, а потом повесили на дереве.

Доходили слухи, что где-то есть партизаны, но в наших деревнях они себя не выявляли. Позже мы узнали, что в городе повесили двух партизан – Евграфьева и Ларионова. В первых числах января на дороге немцы появлялись редко. Стояла тревожная тишина. И вдруг 12 января на востоке стали слышны глухие раскаты. Старики сказали, что это стреляют пушки. И тут на дороге стали появляться группы немцев, они пешком шли по направлению к Торопцу. Было ясно, что они отступали.

15 января грохот усилился. Это шел бой за Андреаполь. А немцы все шли – забинтованные, завязанные всякими тряпками. Это были не те, что осенью ехали на машинах на восток, выхоленные и надменные. Сейчас, одетые в легкие шинелишки, они сильно страдали от холода и рады были поверх пилотки замотать голову женским платком и любой другой тряпкой. Будучи наслышанными, что немцы при отступлении сжигают деревни, люди сидели настороже, готовые к бегству. Теткина изба стояла на краю деревни, дальше в 100 метрах лес. Мои соседи и я сидели в избе и глядели на дорогу, идущую от Андреаполя. Было тихо. И вдруг мы увидели быстро едущих всадников. Насчитали человек пять. Все встревожились и были готовы кинуться в лес. И тут мимо окон в центр деревни побежали люди, кто-то кричал: «Наши! Наши!» Мы тоже побежали в центр деревни. Там на дороге женщины обступили всадников, плача, обнимали их, тянули с лошадей и звали в дома. А люди на лошадях радостно улыбались и говорили: «Мы не можем задерживаться, мы разведчики...» Они расспросили, давно ли здесь проходили немцы, далеко ли до Торопца, какова дорога. Потом сели на лошадей и поскакали дальше.

А часа через два в деревню вошло столько наших солдат, что каждая изба была забита до отказа. Конный обоз разместился на другой стороне деревни возле церкви. Прошла ночь, а наутро по домам пробежали связные: отдавалась команда строиться. Оставались на месте только обоз и часть размещенных там солдат. А часов в 10 утра внезапно налетели немецкие самолеты, и бомбы ударили по обозу. Погибла часть лошадей, были и людские жертвы. Была убита колхозница и учитель нашей школы.

В ночь на 19 января наши вышли к Торопцу и начался бой за город. В деревне творилась радостная суматоха. Позже на деревню еще раз налетел немецкий самолет. Я видела, как взметнулось в небо серое облако, это бомба попала в избу в 100 метрах от нашего дома. Отец крикнул: «Бежим!», и мы побежали за деревню на хутор, где жили старик со старухой. Немецкий летчик, сбросив бомбы, развернулся и летел так низко, что, упав в снег и подняв голову, я увидела за стеклянным колпаком кабины его лицо. Наверное,

убедившись, что бежали не солдаты, он не дал пулеметную очередь и улетел. Вслед за нами в избушку стариков прибежали наши соседи. Все ждали нового налета, но он не повторился.

Уже шел бой за Торопец. Командовал боем генерал А.И. Еременко. Позже я читала его воспоминания. Он писал, что недалеко от Торопца был ранен. Может, это случилось во время той бомбежки, когда бомбили обоз на окраине Понизовья? Тогда по деревне шел слух, что был ранен большой начальник. Может, это и был Еременко? Доблестные его солдаты 21 января взяли Торопец и погнали немцев на запад. Фронт на год остановился в Великих Луках. А мы, старики, женщины и дети, опять встали на трудовую вахту.

Осенью 1942 года открылась школа. Был вычищен навоз от немецких лошадей, отремонтированы остатки выброшенных парт, и зазвенел школьный звонок.

Война продолжалась, но фронт был уже за границей. Народ жил напряженной трудовой жизнью, было голодно, но страха и уныния не было. День Победы я встретила, учась на первом курсе Торопецкого педучилища. Потом была учеба в Великолукском учительском институте. Осенью 1949 года молодая учительница переступила порог школы в деревне Токарево в 15 километрах от Великих Лук.

...Память снова, еще и еще раз, возвращает меня в родную деревню. И так хочется наяву побывать там. Может, удалось бы отыскать камень, где стояла наша изба. Только нет - и побывать не удастся, и камень вряд ли нашла бы. Там теперь за годы после перестройки вырос лес, поля-то не пахутся, вот и зарастают ольхой да брединой. Раньше там стояли такие же деревеньки, как наша...

Андреева Вера Александровна

Когда началась война, мы жили в Торопце. Нас было пятеро: мать с отцом и трое детей. С первых дней войны началась мобилизация мужчин на фронт, и наш отец попал в первую партию мобилизованных. Родных провожали семьями, было очень много слез. Я почему-то почувствовала, что отца своего больше не увижу... Он погиб на фронте.

Немцы приближались к Торопцу, с каждым днем все отчетливей были слышны удары дальнобойных орудий. В ночь на 29 августа фашисты обстреляли город. Били в основном по вокзалу и Дому культуры, так как это было самое высокое здание. Наверное, они думали, что там находится важное предприятие. Осколки, как град, отлетали от стен. Мы были в отчаянии, так как наш дом стоял рядом. Мы метались в поисках укрытия, когда мать сквозь темноту увидела ожидающую соседей подводку. Это уезжала семья режиссера Дома культуры. Они взяли и нас, но на телегу позволили положить один рюкзак. Мать говорила, что нам бы только отъехать за город. Когда мы уже двинулись в путь, то в темноте увидели каких-то людей, что метались с мешками и коробками. Мы думали, они ищут укрытия, но как потом оказалось, они грабили магазины и склады...

Выехав за город, мы были подхвачены потоком беженцев и отступающих частей нашей армии. Двигались быстро, почти бежали, так как сзади напирал враг. Мы несколько раз делали попытки вырваться из этого потока, пробиться на обочину дороги. Мы хотели остаться, ведь нам не к кому было ехать.

На вторые сутки мать увидела на обочине дороги своего односельчанина с лошастью. Он сопровождал скот вглубь страны и возвращался домой. Мать не выдержала - схватила рюкзак, сестру и меня за руки, крикнула брату, и мы, как обезумевшие, вырвались на обочину. Потом мать оглянулась и увидела, что брат пошел дальше. Она долго его звала, но он только махнул рукой...

А мы подошли к дяде Сергею, радуясь, что встретили своего человека. Вокруг было много беженцев, которые пешком не могли далеко уйти. Затем нам сообщили, чтобы все направлялись в деревню, где можно расположиться в школе. В каждый класс размещали по шесть-семь семей. Через несколько дней в школу пришел председатель колхоза – его из-за хромоты на фронт не взяли, и он продолжал управлять хозяйством. На полях стояли неубранные зерновые, и председатель позвал всех потрудиться в поле, сказав, что будет работа и детям. Он же пообещал, что все работающие будут получать обед.

Поля наполнились беженцами, женщины жали и вязали снопы, а дети собирали их и ставили в два ряда для просушки. На другой день возили снопы на гумно, там бригада их обмолачивала. А рядом шла линия фронта, над полями летали немецкие самолеты. Заслышав их воюющие звуки, все падали на землю, прикрываясь снопами. В течение недели ближние поля были убраны. Зерна получилась целая гора. Председатель сказал, что все надо спрятать, а то немцы отберут на фураж. Для этого в лесу приготовили хранилище.

И потянулась в лес вереница женщин и детей с мешками за плечами. Женщины несли по 30-40 кг., а дети, в зависимости от возраста, по 8-10 кг.

Почва была болотистой, босые ноги в ссадинах и порезах утопали в грязи. Женщины рвали свои юбки и кофты, чтобы перевязать раны на ногах... Несколько дней ушло, чтобы перенести зерно в лес. Коровы тоже были отправлены в лес в загоны.

Потом стали копать картошку, ее после просушки зарывали в ямы, которые сравнивали с землей. Все работали дружно и безотказно, так как знали, что это нужно для Родины. А в первую весну после оккупации были засеяны поля, выпущен пастись скот и оказана помощь соседней деревне.

Через три недели в деревню, где мы находились, въехали большие машины с немецкими солдатами. Поводом послужил неосторожный поступок нескольких женщин из деревни. Они, много слыша о немцах, захотели увидеть их воочию, и отправились к шоссе на дороге. Там, спрятавшись за деревьями, они и рассматривали проезжавших фашистов. Немцы тоже зорко всматривались в лес и заметили спрятавшихся людей. Начался шквальный обстрел, три женщины погибли, двум другим удалось спастись. И вот теперь фашисты нагрянули в деревню искать партизан. Они обшаривали каждый дом, забирали все, что понравится, резали свиней и телят. Наполнив машины продуктами, немцы собрались уезжать. С собой они забирали юношей 13-17 лет, якобы, для службы в немецкой армии. Матери плакали, удерживали своих сыновей, но фашисты били их по рукам прикладами. Потом всех наших мальчиков за деревней в лесу расстреляли, чтобы не было пополнения партизанских отрядов. Когда ребят хоронили, в деревне два дня стоял сплошной стон...

Больше немцы в деревню не заглядывали. По орудийным раскатам мы чувствовали, что немцы продвинулись не очень далеко, наша армия упорно их сдерживала. Потом мы услышали и первые вести о том, что наши перешли в наступление. Женщины потянулись к шоссе на дороге с продуктами, теплыми носками и варежками, чтобы встретить наших дорогих защитников. Вслед за нашей армией двинулись домой в Торопец и мы.

2 февраля мы стояли около своего дома, но узнать его не могли. Все было разграблено, разорено, но не немцами – там для них ничего привлекательного не было; мы увидели проделки мародеров... Двери и окна были раскрыты настежь, стекла выбиты, оторваны доски. От строительного материала, заготовленного для ремонта дома, ничего не осталось, а через двор и огород была проложена дорога на соседнюю улицу. Мы стояли в раздумье, не решаясь войти в дом. Когда же зашли, то увидели, что от всей мебели осталась только железная кровать и стол на трех ножках...

Чувствовалось, что соседи не одобрили наш отъезд. Некоторые говорили: «Они не коммунисты, нечего было бежать, никто их не гнал...» Но мы же, уехав, не сидели сложа руки!.. Одна соседка пригласила нас погреться, у нее мы и жили неделю. Потом мать нам говорит: «Дети, пойдёмте обживать свой дом». Собрали кое-какие доски, заколотили окна, оставив по 1-2 звена для света, собрали щепок, истопили печь. Приближалась ночь, а лечь было не на что. В то время недалеко от нас расположилась на отдых воинская часть. Мать рассказала командиру части о нашем бедственном положении, и он приказал, чтобы нам выдали шинели, и еще нам дали две фуфайки. Так мы и спали:

фуфайки под головы, на шинели ложились и ими одевались. В течение года согревали нас эти шинели. Делились с нами солдаты и своими скудными пайками...

Жизнь в Торопце после освобождения начала возрождаться, стали работать многие учреждения. Мать устроилась санитаркой в больницу. В городе открылся хлебный магазин, который торговал два часа, на большее хлеба не хватало. Очередь занимали вечером и стояли всю ночь. Я пошла в очередь, несмотря на протесты матери. К открытию магазина собралась большая толпа. Когда двери открыли, поднялись шум и крик, меня так прижали, что казалось, остановилось дыхание. Одна женщина, вытащив меня из очереди, пообещала, что потом меня пропустят в другую дверь. Но никто на меня не обратил внимания, и я пошла домой, обливаясь слезами...

Все невзгоды той нелегкой жизни больно отражались на мне. Я не находила себе места, не выходила на улицу к ребятам, ни с кем не разговаривала, но школу посещала. Мне было четырнадцать лет. Мои подруги, соседки ходили в приличных пальто и платьях, а я надевала фуфайку. В том, что мы все потеряли, я готова была обвинить мать, если бы не видела, как она страдает, ведь ей было вдвойне тяжело: отец погиб, раненый брат лежал в госпитале. Мать свела меня к врачам, которые лечили меня от нервного срыва. Я стала чувствовать себя получше, и мать повеселела...

А там и жизнь стала налаживаться. Вернулся с фронта брат – инвалидом в 21 год, но живой – ему дали группу и назначили пенсию, а нам с сестрой – пособие из военкомата. Закончив школу, я поступила в Великолукский пединститут, после его окончания работала в школе учителем русского языка и литературы, затем возглавляла райком профсоюза работников просвещения.

Я обращаюсь к молодому поколению: пожалуйста, знайте историю нашей многострадальной Родины. Помните, что война коснулась своим черным крылом каждой семьи. Уважайте людей старшего поколения, будьте к ним милосердны и снисходительны. Это ради вашего счастья они выдержали тяготы и страдания, выпавшие на их долю...

Голикова Валентина Алексеевна

В 1941 году мне было четырнадцать лет. 20 мая у нас начались экзамены, я их сдала хорошо, впереди были летние каникулы. Папа мой попросил помочь: съездить с ним посадить картошки на подсобном участке. А он был завхозом в общепите. У них было большое хозяйство, кормов нужно было много, и была выделена земля. И вот 22 июня я с папой поехала сажать картошку. День был теплый, солнечный. Помню, было много сирени, я наломала большой букет.

Картошку мы посадили, поехали домой. Приезжаем, чувствуем что-то тревожное. В военный городок подают пустые составы один за другим, и солдат куда-то увозят. Брат мой говорит: «Папа, война началась...» А папа ему: «Сынок, ты это никому не говори, а то тебя заберут, и меня не выпустят...» Потом пошел к себе в контору, оказалось, и правда – война.

Через три дня папу взяли на фронт. А через три года пришла похоронка: погиб в Ростовской области, Миллеровский район, село Волошино. Когда получили похоронку, я кричала на всю улицу... Была перечеркнута вся моя дальнейшая судьба. 20 мая 41-го года в сочинении о будущей профессии, я написала, что буду врачом. Мечта моя не сбылась, а медицина мне и до сего времени нравится...

А тогда, в 41-ом, началась не жизнь, а ад крошечный. Первый раз нас бомбили 8 июля. Мама утром ушла в больницу рожать четвертого. Бабушка коровку отправила в поле и с двумя моими братишками пошла в лес за ягодами. Мне наказала: «Внученька, придет коровка с поля, ты ее подои, молочко процеди, подойничек вымой и повесь на солнышко сушить». Я так и сделала. Выношу подойник сушить и вдруг слышу, что-то гудит, рвется, а на небе ни облачка, что такое, никак не пойму... Потом смотрю, самолеты летят, а люди в лес бегут и плачут. Я в дом, открываю все окна, двери, пальто свое зимнее схватила и босиком тоже в лес... потом бомбежка кончилась, все пошло по домам, и я тоже. К вечеру бабушка пришла, а утром и мама с малышкой из больницы вернулась... С того дня стали нас бомбить каждый день. Как только утро настает, прилетают группами самолеты, отбомбят и улетают, потом другие, и так три-четыре раза в день, а когда и чаще. Прожили мы так неделю, больше уже не было сил, решили уезжать. Бабушка с нами не поехала, осталась в доме. А нам дали с папиной работы лошадь на две семьи: там женщина с тремя детьми да у нашей мамы четверо – мы и поехали. Куда ехали – сами не знали. Добрались до реки Западной Двины, смотрим, мосты взорваны, дальше ехать некуда... Идут наши солдаты, к нам подошли, спрашивают: вы куда? А мы говорим, теперь сами не знаем куда. Они нам: «Вы едете в самое пекло, немец идет от Белого на Ржев. Там сейчас будут страшные бои...»

Что нам оставалось? Ехать обратно домой, опять в страшный ад? Мы решили остановиться в деревне Семеновское. Хозяйка приютившего нас дома тетя Дуся была добрейшим человеком. У нее было семь человек детей, и у нас четверо. Мы все как одна семья: вместе ели, спали на полу – нас трое и их

семь. Малыш наш спал в корытце на лавочке. Ходили на колхозные поля, собирали колоски, картошку копали. Урожай в тот год был отменный. Наши мамы колоски обрабатывали на жерновах и нам пекли хлеб, из круп варили кашу. Так мы жили целое лето до осени.

В августе в Торопу пришли немцы, бомбежки прекратились, но мы домой не спешили ехать. В конце августа немцы на мотоциклах приехали в Семеновское, поговорили на своем языке и уехали. А мы все живем в деревне. Где-то в конце сентября – начале октября мама говорит нам: «Детки мои, что в Торопе немцы, то и тут, пойдете мы домой...» Собрались и пошли. Мост был взорван, мы, за руки держась, по кладочкам через реку перебравшись. Пришли домой, бабушка жива, наши кровати целы, мы рады, что будем на них спать. Зато не стало нашей кормилицы-коровушки, немцы забрали, и в огороде пусто, нет ничего. Мама прижала к груди малышку, и мы стоим трое около нее, и говорит она, плача: «Детки мои, вот когда наша погибель пришла». А мы говорим: «Мама, не плачь, мы пойдём милостыню просить...» Ну и легли спать.

А когда проснулись, нам соседка сообщает страшную весть. Немцы рано утром, когда люди еще спали, окружили три деревни: Семеновское, Селяне, Ключки. С овчарками и с винтовками подходили к каждому дому, подпирали, обливали горючим и зажигали. Люди сгорали заживо. Из трех деревень в живых остались мы и еще два человека деревенских – их не было дома. Одна женщина из Семеновского – у нее было пять человек детей – зачем-то пошла в другую деревню к родственникам и там заночевала, утром вернулась – ни дома, ни детей. А в Селянах мать послала сынишку к родственникам в Торопу, тоже к утру вернулся, а мама, две сестренки, дедушка и бабушка сгорели. Всего сгорело в трех деревнях больше шестисот человек. Вот так зверствовали фашисты на нашей земле.

...А мы не умерли от голода во время оккупации благодаря большой человеческой душе людей того поколения. Бывало, придешь в деревню, заходишь в дом, там у самих в семье пять, шесть, а то и семь человек детей, а тебе дадут или кусочек хлеба или картошинку. Деревню пройдешь – а деревни были большие – сумочку наберешь. Вот так и выжили...

Были мы и свидетелями зверств, чинимых над нашими военнопленными. Зимой, в 40-градусный мороз, держали их в дощатых сараях. Кормили плохо, а работать заставляли от зари до зари: срочно надо было восстановить железнодорожный мост, взорванный нашими при отступлении. Общаться с мирным населением было строго запрещено. Но вот однажды один из них как-то незаметно отстал от группы и зашел к нам, попросил поесть. Мама быстро собрала что было и подала ему на стол. А братишек послала на улицу караулить, если пойдут немцы – быстро сказать. Ест он и говорит: «Как у меня мерзнут ноги...» Смотрим, на ногах у него лапти и тряпочки тоненькие обернуты. А я своим братишкам шила бурочки: наложу между тряпочек ватки, прострочу, выкрою, и получались бурки. Мама меня спрашивает: «Дочь, у тебя нет настроенных кусочков?» Я ответила: есть! «Ну, быстро обуей человека...» Он ест, я его обуваю. Он говорит: «теперь моим ноженькам будет тепло, большое спасибо». И ушел. А когда 21 января 1942 года нас освободили, утром

22 января заходит к нам военный в шубке, валеночках, при партупее, в шапке со звездочкой. И спрашивает: «Где та девочка, которая спасла мои ноги?» Принес нам две больших буханки хлеба и большую железную банку повидла: «Вот это тебе за мои ноги, а я теперь пойду мстить за нашу поруганную Родину!»

...А как жестоко расправились фашисты с военнопленными за две недели до освобождения Торопы! Приходят комендант с переводчиком в лагерь и спрашивают: кто больной, выйдите... А они все больные, жившие в таких ужасных условиях. Они и вышли многие, думали, их будут лечить. Вместо лечения их на второй день группами стали водить в лес на расстрел. Вот целое кладбище около вокзала и настреляли.

Навсегда осталось в памяти и то, как нас освобождали. Мы в тот день ходили по деревням милостыню собирали, к вечеру пришли домой. Мама нас накормила, и мы сидим около чугуночки греемся. Вдруг одна ракета, другая, третья. Мы напугались, сидим все вместе, прижавшись друг к другу. Думаем, вот теперь и нас, как те деревни, будут сжигать. И вдруг наши спасители как закричат: ура, за Родину, за Сталина, Громов, вперед! Стучат к нам, мама открыла. Они спрашивают: хозяйюшка, немцы есть? Мама рассказала, что у нас немцев нет, разместились они в военных казармах, что стоят от железнодорожного моста вдоль берега Торопы (раньше, до войны, был у нас большой военный городок). А еще мама рассказала, где лагерь военнопленных. Наши сразу говорят: проведите нас к лагерю. Мама оделась и темными улочками провела их к лагерю. А военнопленные, когда их освободили, подняли такой страшный шум, что немцы думали, идет целая армия. Тогда немцы даже босиком бежали в сторону Ильино, их в лесу по дороге много замерзло.

Жестоким пыткам подвергли фашисты и моего дядю Андрианова Алексея. До войны он работал в Западной Двине следователем, а когда началась война, его направили в партизанский отряд. При выполнении задания он был выслежен предателем-полицаем и приведен в немецкую комендатуру. Дядю зверски пытали, а перед расстрелом заставили вырыть себе могилу и два часа держали голым на сорокаградусном морозе. Когда нас освободили и моя тетя (дядина жена) вернулась из эвакуации, этого полицая поймали. Тете разрешили отомстить предателю. Она его расстреливала по частям: стреляла в руки, в ноги. Он ее просил: «Стреляй сразу!» Она ответила: «Как издевались над моим мужем, так буду и я...»

...А утром, когда стали в комендатуре смотреть документы, нашли приказ коменданта окружить поселок Старую Торопу и сжечь. Получается, нам оставалось жить какие-то считанные часы. Благодаря нашим спасителям, что они пришли пораньше, мы остались живы. Этот день 21 января 1942 года я считаю вторым своим днем рождения.

И у нас действительно 22 января 42-го года праздновали целый день. Солдаты шли один за другим, и мама целый день топила печку, им готовила, а они сами ели и нас кормили...

Потом начались трудовые будни. С апреля 42-го года мы со старшим братом работали в воинской части. Эта часть обеспечивала военный госпиталь картофелем и овощами, им было отведено полколхоза земли. Там мы и работали, детдомовцы из-под Велижа и дети из Торопы. Велижские детки со своим воспитателем жили в поле, в палатках. Они там питались, а мы ходили домой. Нам давали военный паек. Работали мы с шести часов утра до восьми вечера.

В августе месяце подростков от 14 до 16 лет по повесткам стали набирать для отправки на заводы Урала и Сибири. Тогда же, в августе 42-го года в Торопце оборудовали товарный состав, и нас, подростков из трех районов – Андреапольского, Торопецкого, Западнодвинского – повезли работать на Урал и в Сибирь. От каждого района были старшие – пожилые мужчины, от Западнодвинского был Александров Дмитрий Александрович. Начиная с Урала, нас стали распределять по заводам. Я попала в Новосибирск, станция Кривошеково. Как только нас привезли, сразу отправили в санпропускник, намыли, дали форму и повели обедать. Потом перевезли через реку и разместили в общежитии. На второй день повели нас на завод, зарегистрировали и распределили по цехам. Я попала в инструментальный цех. А там поставили к станкам, каждого к своему, показал мастер, как станок включать и выключать, дали прибор, чем замерять детали – назывался прибор микрометр – вот и вся учеба. Работали мы по двенадцать часов, также и в ночные смены. На заводе трудились в основном дети и женщины, мужчин не было, мужчины были на фронте. Вот так мы все вместе и ковали победу...

Когда кончилась война, вернулась я домой, пришлось из руин поднимать поселок свой, ведь война оставила нам воронку на воронке. А как хорош был наш поселок до войны! Красавец-вокзал, дом культуры, клуб, двухэтажная школа с построенными во дворе красивыми домиками для учителей...

А сколько было предприятий... Все было уничтожено.

Вот сколько людского горя и слез принесла нам эта война...

Гружевская Регина Людвиговна

Жаркое лето 1941 года, город Великие Луки. 20 июня во всех школах города отшумел выпускной бал. 21 июня была массовая прогулка за город. Все веселые, счастливые, мечты, прощание с детством, а впереди широкая дорога в жизнь. Нам казалось, что она будет чистой и светлой.

Все перечеркнул страшный день 22 июня. Было воскресенье, с утра ничего не предвещало беды. Моя мама, медицинский работник, ушла на дежурство в больницу, но в 9 часов утра прибежала домой за документами, заявив, что ее срочно вызывают в Горвоенкомат. А в 12 часов 30 минут по радио передали речь Молотова. Люди толпами стояли на улицах под радиоустановками и понимали, что пришла большая всенародная беда. Некоторые сразу же направлялись в военкомат, раздавался женский и детский плач.

В то время, когда по радио звучала речь Молотова, моя мама уже стояла в строю, в мужском обмундировании, с санитарной сумкой через плечо. В этот же день их батальон отправился на запад. Мы жили рядом с площадью Ленина, и маме, проезжавшей с батальоном мимо, разрешили тормознуть машину, чтобы забежать во двор попрощаться. Так для меня началась война.

Мать воспитывала нас с братом одна - отца не стало, когда я еще училась во втором классе. Брата учился в Ленинграде на третьем курсе института, и студенты сразу же уходили в ополчение, а затем в армию. Я осталась одна с соседями. Мама только и успела передать мне записку с номером почтового ящика (адрес воинской части), это уже позднее всем воинским соединениям были присвоены номера полевой почты.

Все наши мальчишки пошли добровольцами в армию. Забегая вперед скажу, что по официальной статистике из 100 выпускников 1941 года в живых осталось только 3 человека. Они попали в страшные жернова войны еще не подготовленными, а некоторые без оружия.

Все старшеклассники были комсомольцами, и великолукский Горком ВЛКСМ сразу же привлек нас к организации госпиталей, под которые были переоборудованы все школы и техникумы города. Наш класс работал в педагогическом техникуме возле городского стадиона. Раненые стали поступать очень быстро. Силенок у нас еще было мало, и за носилки с ранеными мы брались по четыре человека.

В первые месяцы фронт быстро катился на восток, и уже в июле бои загремели близко от Великих Лук. Город оказался прифронтовым, его стали бомбить. Особенно запомнилась бомбежка 2 июля, днем. Самолетов было много, на станции разбомбили эшелоны с боеприпасами, они начали рваться, и осколки летели очень далеко в город. Началась эвакуация важнейших промышленных предприятий и населения. О сроках и направлении отправки жителей оповещали заранее, было названо место – город Красный Холм Калининской области. Воинская часть, где служила моя мама, с боями отступала через Великие Луки. 16 июля они были в городе, ехали за боеприпасами на артсклады в район аэропорта. Проезжая мимо нашего дома, подхватили и меня, подвезли на вокзал и буквально затолкнули в товарный

вагон, битком заполненный людьми. Уже начался обстрел, и наш состав отправили ночью по Октябрьской железной дороге в сторону Торопца. А 17 июля немцам удалось занять часть Великих Лук. Город несколько раз переходил из рук в руки.

Эшелоны с эвакуированными шли очень медленно, так как дорога была однопутной. Чтобы пропустить без задержки эшелоны с воинскими грузами на запад, надо было растолкать на разъезды и запасные пути все встречные поезда. Там, где можно в нормальных условиях доехать за несколько часов, мы ехали неделями. В дороге нас и обстреливали, и бомбили немецкие самолеты. Особенно досталось на станции Бологое. Это был и есть крупный железнодорожный узел, и все воинские эшелоны на северо-запад шли через него. Скопление составов было страшное, вперемешку стояли воинские и гражданские эшелоны. Когда налетела целая армада самолетов и начала бомбить – это был настоящий ад. Стали рваться эшелоны с боеприпасами. Люди не могли выбраться из вагонов, так как все пути были забиты составами. Нас спасло то, что наш эшелон располагался на краю перед каким-то болотом. Люди бежали через это болото и выскакивали на какую-то небольшую улочку рядом с озером. Началась бомбежка часа в 4 дня, рвалось и горело всю ночь. Утром стало потише, и нам сказали, что надо пешком пробираться на станцию Медведево, а оттуда будут отправлять дальше. Наша дорога в эвакуацию продолжалась.

В общей сложности ехали мы больше месяца. В больших городах, где проходили эшелоны с эвакуированными, были организованы пункты питания, так как у нас при себе ничего не было. Уже теперь не придерживались определенных направлений эвакуации, и мы решили выходить на той станции, где нас может принять эвакуопункт. После бомбежки в Бологое в вагоны набивался народ из разных городов и республик, но уже ни одного человека из Великих Лук за всю войну мне встретить не пришлось.

Было решено выходить на станции Рузаевка – это узловая станция на Горьковской железной дороге. Вскоре я оказалась в Саранске – центре Мордовской АССР. Эвакуированных прибыло очень много, на работу не устроиться, тем более, что мне не было еще 18 лет. Пошла в горком ВЛКСМ за помощью по трудоустройству, так как жить мне было не на что. Связи с матерью никакой – где ее часть находится, на каком фронте, жива ли? Моего адреса тоже никто не знал...

Фронт требовал вооружения и боеприпасов. В это время в Саранске организуется военный завод №583 по их выпуску. Его работа начиналась с нуля, на базе одной из полукустарных фабрик по выпуску картона. Фабрика размещалась на окраине города и, таким образом, там была возможность строить цеха военного завода. Срочно стали подбирать кадры, отбор был строжайший. Меня порекомендовали от горкома ВЛКСМ, приняв во внимание мое затруднительное положение. А на квартиру меня приняла семья, в которой было пятеро детей, старшая девочка была мне ровесница. Очень добрые люди.

Начал свою работу наш завод с открытия сборочно-снаряжательного цеха.

В тесном помещении бывшей конторы мы начали осваивать азы этого сложнейшего дела. Молодежь была подобрана в основном грамотная, после 10 классов, с несколькими курсами институтов. Много было эвакуированных с Украины, Белоруссии, Прибалтики, со всех западных областей СССР. К нам привезли специалистов из Куйбышева (Самара), Молотова (Пермь), Пензы, которые должны были в скоростном порядке обучить нас работе по сборке артиллерийских снарядов. Организовали конвейер, к каждому специалисту подсаживали ученика. Так мы, ничего в этом производстве не смыслящие, учились у мастеров, а они, в свою очередь, для себя делали отбор – кто из нас лучше освоил данную операцию. Затем приступили к укомплектованию рабочих мест для самостоятельной работы. Когда очередь дошла до меня, то все специалисты дали мне очень хороший отзыв: девочка старательная, может работать на всех операциях по сборке изделия. Я была рекомендована на должность бригадира, который в любой момент должен был заменить отсутствующего работника. Так с ноября 1941 года началась моя трудовая деятельность на военном заводе №583.

При нашем цехе еще был участок расснаряжения. Там разбирались привезенные со складов детонаторы, заменялись на новые отдельные детали предохранителей, изделие собиралось вновь и отправлялось на фронт. На ящиках упаковки ставилась яркая маркировка крупным шрифтом: «для долговременного хранения не пригодны, использовать немедленно». Но в то время фронт пожирал все.

Официально рабочий день был с 8 утра до 8 вечера, и вторая смена с 8 вечера до 8 утра. Выходных дней во время войны не было, была только пересменка. Положение на фронтах было очень тяжелым. Требовалось увеличить выпуск боеприпасов, но нас сдерживало отсутствие заводских цехов, ограниченные площади. К нам в цех часто приходили руководители республики, обкома ВКП(б), завода, зачитывали телеграммы: «Фронту нужны снаряды. Просим увеличить выпуск». Иногда они были за подписью И.В. Сталина. А это значило, что мы оставались на заводе на 24 часа. И никто не роптал, все понимали, что от нас зависит исход многих сражений.

К концу 1941 года здания новых цехов были построены, в них стали устанавливать сложнейшее оборудование для выпуска нового изделия – мины. Быстрее всех строили цех сборочно-снаряжательный, под ним было размещено бомбоубежище для всего завода. Наконец, нам объявили, что новую партию изделий мы начнем уже в новом цехе. Для подготовки к работе на новом месте туда отправили бригаду контролеров ОТК в количестве 12 человек, которая должна была приготовить к выпуску следующей партии капсули-детонаторы. Мы работали в ночную смену, и вот для завершения сборки нам не хватило капсулей. Мне пришлось пойти за ними в новый цех к контролерам ОТК. Там была нормальная рабочая обстановка, мы с девочками немного поговорили о том, что опять наши войска оставили несколько городов, заплакали, ведь большинство из них тоже были эвакуированные. Но дело есть дело, я забрала ящики с капсулями и отправилась в старый пятый цех. Девочки предупредили, чтобы я шла очень медленно и аккуратно, так как ноша очень опасная.

Предложили помощь в сопровождении, но я решила, что справлюсь сама. Благополучно доставив капсулы, я отдала их в бригаду снаряжения.

...Прошло минут 10-15, и раздался страшной силы взрыв, из окон посыпались стекла. Мы решили, что это бомбят, и все бросились в бомбоубежище. Толпа людей пробежала через три цеха и выскочила под открытое небо. Новый пятый цех оказался полностью разворочен. Я замешкалась в старом цехе, так как стала накрывать ящики с капсулами, чтобы в них не попала штукатурка с потолка, так как это очень опасно (в них нам не разрешалось даже подуть струей воздуха, если видишь пыль, потому что это могло вызвать взрыв). Когда я вышла на лестницу, толпа наших рабочих уже неслась обратно в старый цех. Завод сразу же был оцеплен войсками, прибыло все руководство. Взрыв произошел в пятом часу ночи. На территорию завода подогнали несколько грузовых машин и осветили место взрыва. Разбирать завал по кирпичикам и обломкам пришлось работникам нашего цеха, так как там могли быть разбросаны капсулы-детонаторы, а на вид их знали только мы. Было очень холодно, и мы на сорокаградусном морозе поднимали по обломку, передавали красноармейцу, стоящему за тобою, он передавал дальше до машины – кидать было нельзя. ...И наконец добрались до наших девочек. Они лежали недалеко друг от друга, разорванные на части. Опознавали их по обрывкам одежды, обуви, волосам. У одной из девушек – Раи Гришкиной – были очень красивые длинные локоны. И вот эта красота тянула за собой битый кирпич, мусор... Но еще страшнее было то, что в нашем цехе работал ее братишка, который сразу заметил, что вытащили часть тела сестры. Он сразу же закричал: « Это наша Райка...» - и упал на нее, потеряв сознание.

Погибли все 12 девочек. Живых под обломками не было, и нас отпустили в старый цех греться. Все мы были в страшном потрясении, у всех был нервный срыв. Погибшие были очень молодые – от 18 до 24 лет. 24 года было мастеру ОТК Жене Прокофьевой – самой старшей из всех. Помню, незадолго до моего ухода Женя рассказывала, как странно, словно прощаясь, провожала ее вечером на работу мама...

Двое суток нас вообще не отпускали с завода. Установили, что диверсии не было, но было допущено нарушение техники безопасности. Руководители завода были арестованы и осуждены на большие сроки, но наказание всем было заменено отправкой на фронт.

Несмотря на наши переживания и шок через несколько дней мы снова приступили к работе в старом цехе, а через некоторое время опять отстроили разрушенный цех №5. Работали под девизом: «Все для фронта, все для победы над врагом!» С нашего завода в армию не призывали. Были добровольцы, просились на фронт, особенно кто получил похоронки. Но всем было отказано.

В Мордовии был и до войны Государственный университет, но в войну он не работал. Большинство студентов ушли в армию, остальные работали в народном хозяйстве. Пятиэтажный университетский корпус был взят под госпиталь. Еще одно пятиэтажное здание – недостроенное общежитие – было передано нашему заводу. Его достроили и заселили работниками завода и эвакуированными. Получила место в общежитии и я. Вместе со мной в комнате

жили две девочки из Ленинграда. В подвале дома была оборудована котельная, но там еще в начале зимы произошла авария, отопление отключилось. На заводе срочно были сделаны и установлены во все комнаты печки-«буржуйки», а трубы рукавами были выведены в окна. Но беда состояла еще и в том, что не было дров. В ту неделю, когда нам выпадала ночная смена, мы просили у местных жителей саночки и пилу и ехали в лес. Там по глубокому снегу мы собирали хворост, сухие бревнышки, спиливали высокие пни. Все это привозили домой, разделявали и так отапливались до самого конца войны. Электроэнергию в жилой сектор не давали, так как ее было недостаточно для промышленности. У нас всех были оборудованы коптилки. Лампа со стеклом считалась роскошью, ее еще надо где-то купить, да и столько керосина достать невозможно. А коптилки мы делали из пузырьков из-под одеколona, керосин тоже в пузырьках приносили с завода (в механических цехах детали после обработки промывали в керосине). На проходной это контролировали, но что делать, иначе вообще пришлось бы сидеть в темноте. Бывало и такое.

В 1943 году меня перевели на должность мастера межоперационного контроля, и я стала работать только в дневную смену – это официально. А получалось-то наоборот, иногда с завода не уходили по 36 и более часов. Особенно зимой – в цехе тепло, светло, занимаешься производственными делами, а еще больше общественными. Я была членом комитета комсомола завода и комсоргом нашего цеха. Ночами выпускали стенгазеты, готовили политинформации, было очень много разных общественных дел. Большинство комсомольцев принимали в них активное участие. Ходили в госпиталь помогать ухаживать за ранеными, писали письма тем, кто по характеру ранения не мог написать сам, организовывали концерты общие, а также в палатах для тяжелораненых. Проводили вечера в Красном уголке завода, самодеятельных артистов хватало. Ведь мы же были молоденькие девчонки 18-20 лет... А остаться зимой ночевать в цехе, где очень тепло и не надо бежать в сорокаградусный мороз в свое холодное общежитие – это одно удовольствие. Ночью контора цеха не работает, составим стулья – и такое удобное ложе, 4-5 часов поспишь, и порядок!

В стране тогда была карточная система, на рынке цены на продукты очень высокие. Свою продуктовую карточку мы отдавали в заводскую столовую. Как рабочие военного завода мы получали повышенную норму хлеба – 600 г., правда, хлеб был клеклый и тяжелый. Один раз в сутки мы обедали – миска квашеной капусты, туда подливали немножко костного отвара. На второе – ложка жидкой каши из пшена, приправленного наперстком подсолнечного масла, и стакан чаю с сахарином. Ну и пайка хлеба. Все это уничтожалось тут же, и всегда хотелось есть. Зато летом наши мальчишки ходили на колхозное поле за турнепсом, это кормовая культура для скота - как нам казалось, овощ очень вкусный. Поле турнепса находилось сразу за нашим заводом. Ребята в обеденный перерыв набирали два-три мешка этого овоща, подтаскивали и с помощью веревок перекидывали через забор, а сами затем возвращались законным путем через проходную. Турнепс был уже в цехе, и начинался пир. Не бывало случая, чтобы кому-нибудь не досталось.

Всем было тяжело. Жили надеждой: вот кончится война, и жизнь будет налаживаться. На заводе мы все успели перезнакомиться, знали, кто из каких мест. Когда наша армия начала свое победное шествие, начала освобождать города, все радовались вместе с теми, чей родной город освобождали. А сколько радостных слез было пролито, когда наступила долгожданная Победа! В нашу комнату в 6 часов утра начали громко стучать с криком: «Девочки, вставайте, Победа пришла!» В этот день в Саранске шел сильный, но очень теплый дождь. Никто не работал. Мы побежали к заводу, но через проходную не проходили, сразу громадной колонной двинули в центр города – со знаменами, транспарантами. На площади перед зданием обкома ВКПб шел непрерывный митинг, подходили новые колонны, уходить никто не хотел, а дождь все лил и лил. В народе говорили, что это земля слезами людскими омывается, теперь будет легче...

А на завтра все по местам. Завод продолжал работать в обычном режиме. Кое-кто в ближайшие недели делал попытки подать заявление на увольнение и отъезд на родину, но всем было отказано. Для нас это было непонятно. Мы еще не знали, что впереди была Япония. Мне удалось уволиться с завода в июле 1945 года по вызову из ЦК ВЛКСМ на восстановление родного города Великие Луки.

Вот такими тружениками тыла мы были. Всю войну, каждый день мы рисковали взлететь на воздух. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в своих мемуарах недаром говорил, что заслуга тружеников тыла в победе над фашизмом неocenима.

Евграфьева Тамара Васильевна

До войны мы жили в Торопце на улице Октябрьской, напротив Летнего сада. Детей в нашем дворе было много, человек двенадцать, жили дружно, любили играть в лапту, а особенно – в войну. Тогда мы не знали, какая страшная она на самом деле...

Мой отец Василий Минаевич был директором райпищекомбината, членом партии. Он был обычным человеком того поколения, любил людей, любил жизнь. Когда началась война, отец был оставлен в городе для определенной работы. До начала оккупации мой отец выполнял различные задания, ему не раз приходилось сопровождать на фронт эшелоны с добровольцами и мобилизованными. При его участии в Торопце был создан истребительный батальон, а когда в Плоскоши высадился немецкий десант, отца вместе с другими отправили туда с заданием найти и обезвредить парашютистов. Тогда он чуть не погиб. Его не было два дня, мы с мамой уже думали, что убит, но он, к нашей радости, вернулся. Десант был уничтожен.

Когда оккупировали город, отец ушел в партизанский отряд. В сентябре 1941-го он с Артемом Панкратьевичем Ларионовым был отправлен на задание, где они были схвачены карательным отрядом и доставлены в Торопец. Об их аресте мы с матерью узнали, когда, пытаясь эвакуироваться, наткнулись на немцев и вынуждены были остановиться в одной из деревень под Андреаполем. Нам сообщили, что отец в концлагере, и мы с большими трудностями добрались до Торопца. Город сильно изменился, следы «нового порядка» чувствовались во всем. Лагерь для наших пленных располагался там, где сейчас литейно-механический завод. Это был участок, обнесенный колючей проволокой. На вышках стояли часовые, вооруженные пулеметами. Народу в лагере было много, однако разыскать отца нам все-таки удалось. От пленных мы узнали, что кормят их пищевыми отходами, но передать что-то съестное было невозможно. Приходилось просить часовых, чтобы взяли передачу, но все было бесполезно.

Однажды, придя к лагерю, я не застала там отца. Мне сказали, что его с Ларионовым увели на допрос. С двоюродной сестрой мы пошли их разыскивать, но никто из полицаев ничего нам не сказал. Возле комендатуры наткнулись на немца, он стал нам говорить о чем-то, а затем сделал знак, чтобы мы следовали за ним. Немец провел нас в подвал – там находилось гестапо. Когда открыли дверь, я увидела своего отца и Ларионова. Глаза у них были воспалены, руки одного прикованы к рукам другого цепью под замком. Увидев это, я заплакала. А отец попросил нас сходить домой, мол, принесите к вечеру табачку...

Мы сразу же побежали домой. У дуба, что рос на Базарной площади, было много народу. На дереве сидел человек и привязывал веревки. Мы постояли, посмотрели и, ничего не поняв, побежали дальше. Нашли у соседей табак и решили сразу же отнести его отцу. Когда мы вбежали на площадь, то увидели на дубе двух повешенных. Первым я увидела лицо Ларионова, а потом и отца... Не могу передать, что со мною было.

Потом я узнала, что гестаповцы предлагали сохранить отцу жизнь, если он выдаст партизан, но отец не стал предателем. Когда его вешали, веревка оборвалась, и он упал. Его стали вешать снова, но он успел обратиться с призывом к людям: «Смелей, товарищи, боритесь за свободу!»

...В тот же день к нам домой пришел мужчина и предупредил мать, что нас разыскивают гестаповцы. Выйти из города было очень сложно, но и оставаться тоже нельзя. Огородами мы пробрались на окраину Торопца. Однако и здесь опасность подстерегала нас на каждом шагу. В окрестных деревнях стояли немцы. На Холмском тракте, недалеко от железнодорожной будки, мы увидели лежащего у дороги убитого человека. На груди его была табличка с надписью «Партизан». Рядом, ближе к Подгороднему, находился немецкий аэродром. Увидев нас, немцы выбежали на дорогу и стали нас обыскивать. Мы слышали, как они говорили: «партизан», «партизан». Ничего не найдя, они замолчали. Мама спросила, можно ли нам идти дальше? Они не ответили, и тогда мы пошли без разрешения. Как сказала мама: «убьют, так в спину, хоть не видеть». В Пожне мы зашли к знакомым, очень хотелось есть. Хозяйка дала нам картошки и молока. А поросенка забрали немцы, сказала она, возможно, «не сегодня завтра заберут корову».

Передохнув, мы пошли дальше. Дошли до Манушкина, там был взорван мост, перебирались через реку по бревнам и сваям. Потом на пути нам попала взорванная немецкая машина, возможно, у плоскошских партизан был бой с немцами. По глинистой лесной дороге добрались мы до деревни Бончарово, где жила наша родственница. Там же, в Бончарове, отец в 1929 году организовывал колхоз «Смена» и был первым его председателем. В деревне нас и приютили, мы стали работать наравне с колхозниками, и это не дало нам погибнуть с голоду.

В деревне немцы не стояли, но однажды через Бончарово прошла группа немецких лыжников в маскхалатах. Мы с матерью испугались, что нас могут выдать, и спрятались под курганом у реки. Потом люди рассказывали, что немцы забирали все, что им понравится, снимали с колхозников шубы и валенки.

Через Бончарово проходила наша воинская часть, несколько дней они стояли в деревне. Тогда Бончарово бомбили. Немецкие самолеты пролетали низко над землей. Бомбы падали в пруд рядом с нашим домом. Многих тогда ранили и убили.

Уже после освобождения города, в апреле-месяце мама пошла в Торопец искать место захоронения моего отца. На Братском кладбище была сторожка, из которой вышел мальчик и показал, где его закопали. Потом райком и райвоенкомат отца с Ларионовым перезахоронили, тоже на Братском, но в другую могилу. Казнили их 23 сентября, а перезахоронили 23 апреля.

Так мы остались с матерью одни, без отца. Квартира наша пострадала во время бомбежки, жить там было нельзя. Мать пошла в райком просить помощи. Тогда нам дали другую квартиру, но долго мы в ней не прожили. Вернулась из эвакуации прежняя хозяйка – зав. райсо, и потребовала вернуть ее комнаты. Нас снова переселили, но и там приехали прежние хозяева, а нам пришлось

съезжать. Мать в отчаянии заявила, что напишет Калинин, если вопрос с жильем для нас так и не решится. И нам, наконец, дали комнату.

Хоть Торопец и был освобожден от немцев, но бомбить нас продолжали. Однажды, придя из школы, я сидела у окна и делала уроки. И тут началась бомбежка. В окнах зазвенели и посыпались на пол стекла, одним из осколков мне поранило руку. Так я получила свое «не боевое» ранение. Но главной болью и раной, нанесенной мне войной, стала, конечно, потеря отца.

Еще школьницей я написала в память об отце такие строки:

Вспоминаю, как когда-то уютилась
Наша дружная семейка втроем,
Но к несчастью, горе случилось,
Мы остались с мамой вдвоем.
Наша участь была роковая.
Я хочу вас о том известить,
Как судьба беспощадная, злая
Нашу семью пришла навестить.
Расскажу я подробно про это,
Как в великую бурю волна,
В сорок первом году среди лета
Началась проклята война.
Распроклятые дикие орды
Бросил Гитлер в Советский Союз,
И свиные фашистские морды
Принесли нам обиду, конфуз.
Немец был коварен и бешен,
Той суровой военной порой
Был врагом милый папа повешен.
С той поры стала я сиротой.
Огорчаясь несчастьем нашим,
Словно цветик осенней порой,
И остались вдвоем мы с мамашей,
Тяжело стало жить сиротой.
Не пришлось мне, малютке, проститься
В тот тяжелый, неожиданный час.
Как смогло все так быстро случиться?
Слезы лились из маленьких глаз...
Научусь я военному делу,
Овладею винтовкой в бою,
Буду мстить я за папочку смело
Всем врагам за него...

В послевоенные годы, через десятилетия, беда порой стала забываться, но людские загубленные судьбы забывать нельзя. В Торопце, на Базарной площади, на месте того дуба, где был повешен отец, на Масленицу установили столб с разными призами. Отважившиеся забраться по нему наверх получали в подарок петухов и бутылки с водкой. И это на том месте, где люди приняли

мученическую смерть! Возмущенная, я обратилась в райком. Мне ответили: «Но это самое удобное для гуляний место...» Все же, видно, обращалась не я одна, и там вынуждены были прислушаться к нашему мнению. Столб на месте казни отца больше не устанавливали.

Пролетели года. Все мы, дети военной поры, постарели и понемногу уходим. Только не стареет память, не уходит боль. Нельзя забывать тех, кто принял смерть во имя нашей с вами жизни. Нужно помнить и жить достойно.

Максимова Галина Васильевна

Когда началась война, мне было 8 лет, я перешла во второй класс. Мы с родителями и с младшим братом жили в Ярославле, куда они приехали строить завод синтетического каучука или, как тогда говорили – СК. Как все строители, мы жили в бараке, где было 27 комнат и одна кухня на всех. Перед самой войной отцу в качестве поощрения за хорошую работу дали комнату в коммунальной квартире и путевку в санаторий в Крым. Когда мы переехали, родители решили так: мама с братом остаются обживать новое жилье, а меня папа отвезет к бабушке и дедушке, которые жили на хуторе в Курской области. Дедушка и бабушка жили в маленьком доме, который звался «хатка». У них было большое хозяйство – корова, теленок, поросенок, куры – и хороший большой сад, где было много яблонь, груш, слив и вишен, малины, смородины. После большого промышленного города это был рай! Но пожить мне в этом раю пришлось недолго. Буквально через несколько дней началась война, и отец по вызову военкомата уехал в Ярославль. Я осталась на хуторе.

Война подступала все ближе. Ночами небо озарялось и слышался гул, как перед грозой. А потом по дороге мимо нашего дома пошли беженцы. Я могла остаться на оккупированной территории, но судьба распорядилась иначе. Моя другая бабушка – папина мать – жила в Ярославле. Она немедленно, бросив все, поехала за мной и буквально вырвала меня из той тревожной и страшной обстановки. Мы уезжали последним поездом. По дороге наш состав бомбили и обстреливали, мы выбегали и прятались в придорожной траве. Кто-то оставался навсегда там, где его захватил обстрел. Бабушка была немолода и однажды сказала: «Не могу. Остаемся в вагоне». Мы забрались под нижние полки и остались живы...

Ехали долго. Когда приехали в Ярославль, то вагоны были все изрешечены. Мы были очень рады, что семья наша опять оказалась вместе. Папа, конечно, был не с нами, его сразу мобилизовали. Но война подступала и к Ярославлю, город сильно бомбили, ведь он был недалеко от Москвы. Наш дом большой – 130 квартир, а рядом маленькая махорочная фабрика с большой трубой – вот немцы и думали, что это завод. Бомбы часто сыпались на наш дом, где был большой подвал, ставший бомбоубежищем. Мама, уходя на работу, наказывала нам на случай бомбежки надевать зимнюю одежду (хотя было лето) и брать узелок с документами. Сама она работала на этой махорочной фабрике. Иногда ей приходилось разгружать баржи с огромными (120 кг.) тюками табака. И платили им табаком, на рынке его меняли на продукты, и это спасало нас от голода.

...К вечеру город затихал, большинство жителей уходили за Волгу в лес, так как боялись погибнуть в городе от бомбежек. Бомбили же все сильнее: немцы близко подошли к Москве. После налета город представлял страшное зрелище: разбитые дома, кирпич, стекла, трамвайные рельсы. Вскоре руководство завода, где работал отец, приняло решение вывезти семьи на Восток, в Сибирь. Началась эвакуация. Нам разрешили взять самые необходимые вещи и погрузили в товарные вагоны – «теплушки» - так их называли, так как посреди

вагона стояла железная печка, а слева и справа – нары в два яруса. Одни нары на три семьи. Нам достался «второй этаж», середина, и мы поехали. Путь был долгий и тяжелый. На остановках запасали воду и выдавали паек. Ехали несколько месяцев, иногда сутками стояли, пропуская военные эшелоны. Мы – дети – коротали время, как могли: читали, загадывали загадки.

Высадили нас в небольшом районном городке Ялуторовске. Разместили по домам, определили по школам. Учиться было трудно - отстали от программы, не было школьных принадлежностей: тетради делали из газет. Один учебник был на несколько человек. Но жили в школе дружно. Вспоминаю, как ждали большую перемену, на которой нас кормили: давали маленькую серую булочку и стакан чая с сухариком. Еды не хватало. Дома ждала жидкая пшенная каша, пшено выдавали по карточкам, как и хлеб. Мама работала на заводе, там карточка была рабочая. И очень донимал холод – в школе и дома, все время в одежде, так как с топливом было трудно, дрова давали по норме.

Большой радостью были письма от отца. А когда немцев отогнали от Москвы и наши стали наступать на Запад, руководство завода приняло решение о возвращении в Ярославль. Опять «теплушки», но теперь ехали с другим настроением – домой! В пути заболели дети, и в том числе мой братик. Нас сняли с поезда и высадили на маленькой станции Рузаевка. Снова трудности: поиски квартиры, заботы о питании и лечении брата. Пережили все, и вот наступила весна! Вскрылась ото льда Волга, и мы уже на пароходе вернулись в родной Ярославль. Комната наша оказалась занята военным врачом, но мама решительно отвоевала ее. Я пошла в школу уже по-настоящему. А потом кончилась война, вернулся отец – сколько было радости!

После окончания школы, в 1950 году я поступила в педагогический институт на литфак. Окончила и в 1954-ом приехала на работу в Торопецкий район, где отдала педагогической и другой работе 46 лет.

До сих пор память хранит отдельные эпизоды того тяжелого страшного времени. И навсегда в сердце благодарность тем, кто спас нас от кошмара военных лет. Слава им вечная и вечный покой!

Федоров Алексей Федорович

Все дальше от нас те тяжелые дни, когда наш народ вступил в нелегкую схватку с фашизмом. Уходит поколение, которое видело войну своими глазами, и нам, пережившим страшное лихолетье, хочется рассказать правдиво, без прикрас, как это было...

Помню то роковое утро, когда по радио передали сообщение о войне. В то время я жил на Стрелецкой улице у старшей сестры. Ее муж Федор Ройст недавно вернулся с армейской службы в звании старшины – парашютиста-десантника.

На другой же день мы все втроем были у военкомата, где происходила мобилизация. Кругом слышались рыдания, и в то же время у многих была уверенность, что врага мы одолеем быстро и через две-три недели будем дома. Тогда никто даже не предполагал, что предстояло вынести нашему народу! Забегая вперед, скажу: мне выпало участвовать в войне почти «от звонка до звонка». Сестричка Провоторова Татьяна – также участник войны. Федя Ройст пропал без вести, последнее письмо от него было из Смоленской области, «улетаем десантом бить врага», - писал он.

В городе по инициативе райкома партии формировался истребительный батальон, в который я вступил с 1-го июля 1941 года. Мне тогда было 16 лет. Батальон состоял в основном из советского актива, комсомольцев, работников райисполкома и РК партии. Командиром был капитан Климов.

Нам выдали канадские винтовки, которые были для нас очень тяжелые, а после выстрела затвор приходилось открывать ударом ноги. От военкомата с нами работал инструктор, мы усиленно изучали военное дело. Устройство винтовки, ручного пулемета, гранаты РГД и Ф-1, тактика боя – все это мы постигали впервые.

Потом по дорогам потянулись подводы с беженцами, почти каждый день шли стада коров, которых отгоняли на восток. Примерно через неделю-две начались налеты на станцию, где после бомбардировок горели нефтехранилища, рвались боеприпасы.

Не забыть первый бой в Плоскоши. Было это в конце июля или в начале августа. Нам сообщили, что высадился немецкий десант, и на машине мы поехали в Плоскошь. Бой был ночной. Тогда я и получил первое боевое крещение.

Второй выезд был в Крест, куда от Великих Лук прорвалась немецкая разведка. Срочно был объявлен сбор бойцов батальона и по списку назначена команда примерно из 25 бойцов. Во дворе милиции капитан Климов отдал приказ, и мы на машине отправились в окрестности деревни Крест.

Впереди, за небольшим лесочком слышалась редкая перестрелка. «Вы пока побудьте здесь, - объяснил нам молоденький лейтенант, - а я сейчас на мотоцикле разведую, в чем дело». Не могу забыть мальчишески молодое, красивое лицо лейтенанта. Он был в новенькой красивой форме - наверное, недавно окончил училище... Мы отъехали примерно на полкилометра, когда услышали несколько коротких немецких очередей. Короткими перебежками по

кустам мы взбежали на пригорок и увидели в кювете лежащий на боку мотоцикл. Лейтенант и мотоциклист лежали убитые. Впереди на пахоте виднелся узкий гусеничный след от бронетранспортера... Это были первые погибшие наши воины, которых я увидел своими глазами. Их положили в мотоцикл, который, толкая, прикатили на опушку леса. Там погибших и похоронили.

Прошли года, но и сейчас вспоминается, что мы, будучи совсем неопытными бойцами, смогли понять – это была ошибка! Мы не должны были открыто ехать по шоссе – под засаду, под прицелы автоматов. Нужно было подходить к противнику вдоль шоссе, кустами, скрытно. Вот так мы учились воевать, и война показала, что тактика, которая изучается в кабинетах, иногда в реальной обстановке не подходит.

28 августа. Недалеко от города, слева за озером и на северо-западе слышны разрывы снарядов. Враг приближается к Торопцу. Капитан Климов строит нас, ястребков, делает переключку и объявляет приказ, что мы идем оборонять город. По Холмскому тракту направляемся в сторону Подгороднего. Перейдя переезд, сворачиваем влево, по полю приближаемся к сопке, на которой вырыты окопы в полный рост. Немного справа небольшое озеро, метрах в 400 впереди лесок... Бьет нервная дрожь. Кругом никакой обороны, никого из регулярных войск. Вдруг со стороны деревни Обжа раздается мощный взрыв. Догадываемся, что взорван железнодорожный мост. И тут из кустов, маскируясь, выползает группа немцев в зеленых шинелях. Без команды открываем стрельбу из канадских винтовок. Затворы открываются с трудом, приходится отбивать... Первая стрельба по врагу! Не знаю, убили кого или нет, но настроение у всех боевое. Мы воюем! Спустя 5-10 минут на нас обрушивается грохот от разрывов мин. На наше счастье, окопы глубокие, в полный рост. Когда обстрел прекратился, капитан Климов дал команду:

- Передайте по окопам – всем по домам, мы вас вызовем!

Выскакиваем с Колей Ивановым, пересекаем бугор и по низине бежим в сторону города...

Забегая вперед, расскажу о Николае Иванове. В своей книге Н.Ершов о нем пишет, что в партизанах за богатырский рост его в шутку прозвали «Коля маленький». Это был самый лучший и любимый мой школьный товарищ. Мой односельчанин, с которым я за два года прошел все дороги партизанской войны. Как в песне поется – все делили пополам. Позже он был первым номером ручного пулемета, а я у него второй номер, всегда с пятью дисками к пулемету. И конечно мы верили, что никогда не бросим друг друга в беде.

...Перебегаем переезд железной дороги. Слева рвутся снаряды, от которых столбом вздымается черная земля. Направляемся в центр. На улицах ни одного встречного человека. Идем по Советской в сторону вокзала. Кругом зловещая тишина, только с севера и с юга доносятся разрывы снарядов. Не знаем, что делать дальше, и оба плачем от бессилия. Прошли вокзал, подошли к восточному переезду и встретились с капитаном-танкистом. Он был весь в крови от мелких осколков брони собственного танка, подорванного фашистами. Я снял рубашку и, как могли, мы его перевязали. Капитан спросил, кто мы и

что это за винтовки. Мы рассказали, что обороняли город и как тут оказались. «Идите домой, - сказал он, - на город наступает большая сила, и вам тут делать нечего!»

Не буду описывать, как мы пробирались, винтовки спрятали в стоге сена, а во второй половине дня в деревне Беденки нарвались на немцев. Нас затолкали в амбар и закрыли. Кругом слышалось кудахтанье кур и лающий незнакомый разговор солдат. Открыли нас только на следующее утро. Мы, пока сидели, все передумали, всю ночь проговорили. К утру мы уже смирились, что сегодня нас застрелят, нам уже больше не жить... И вот утром открылась дверь амбара, какой-то чин рукой показал нам выходить и, что-то крича, указал идти за деревню. Немцы выстроились в колонну и направились по дороге в сторону города. Мы с Колей идем в другую сторону. Ждем, когда по нам будут стрелять. «Коля, не оборачивайся...» Проходим 20, 50, 100 метров. «Коля, ты живой?» «Лень, мы живые?» Такой была наша первая встреча с фашистами.

Потом мы добрались с Колей до деревни Косыгино. Мы помнили слова Климова: «Вас вызовут...», но нас никто не вызвал. Деревенский староста, угрожая нам, часто повторял, что «вот в Торопце Евграфьева и Ларионова повесили, то и вам будет». Но мы ему пригрозили, и он примолк.

А 22 января 1942 года мы с Николаем уже были проводниками роты сибиряков-лыжников, направлявшихся освободить станцию Скворцово!

После освобождения Торопца в здании маслосырдельного завода разместился банно-прачечный отряд, где мы с несколькими ребятами стали работать по ремонту оборудования, на котором девчата стирали белье и бинты.

С наступлением тепла, примерно в начале мая мы переехали в деревню Шатры. Оборудование разместили в скотных дворах внизу, а на чердаке койки для сна. В конце мая в деревню пришла группа партизан. После выполнения боевого задания в немецком тылу они расположились на отдых. Я познакомился с ними и договорился с командиром группы, что он поможет мне вступить в отряд. Мне тогда было 17 лет, и призыву я не подлежал.

В штабе, который размещался на втором этаже милиции, находилось областное управление 4-го отдела НКВД по Калининской области. В беседе капитан Павлов предупредил меня о всех лишениях и опасностях, которые ждут каждого, кто идет в тыл врага. Просил подумать. Я заявил, что решил твердо и прошу зачислить меня в отряд.

Начались занятия с нами, новичками, в отдельной группе. Изучали топографию, хождение по азимуту, по карте, устройство немецкого автомата, устройство противопоездной мины ПМС-2. Ее, кстати, мог снять только тот, кто ставил – она считалась неизвлекаемой. Приемы подхода и постановки мин под поезд мы отрабатывали на узкоколейке у поселка Отрадное.

В начале июля 1942 года я принял присягу и дал подписку о неразглашении военной тайны. Через несколько дней, получив оружие и пройдя инструктаж, группа из восьми человек с попутным поездом отправилась на запад для выполнения специального задания. Командиром группы был Цибульский Михаил – из кадровых военных, после плена бежал из лагеря. Высадились мы

на станции Великополье. Великие Луки были заняты немцами, и дальше поезда не ходили.

Если посмотреть по карте, то к северо-западу, вплоть до Насвы, Локни, Холма и Старой Руссы тянутся болота. Там на десятки километров протянулась нейтральная полоса, туда и лежал наш путь. Нагруженные боеприпасами, продуктами, тяжелыми канадскими винтовками мы шли под палящим солнцем в сторону Локни, иначе называемой «Низы». Незамеченными мы перешли условную линию фронта. Нашей первой задачей была - установить под поезд мину. Командир группы поручил это сделать мне. Когда ночью мы подошли к железной дороге, нас обнаружил патруль. Мы решили быстро отойти, чтобы избежать потерь, но немцы открыли по нам автоматную стрельбу. Под свист пуль мы отступили на безопасное расстояние. Все потные, испуганные после обстрела, мы были растеряны от этой неудавшейся диверсии.

Было решено вести наблюдение за железной дорогой. Выделили наблюдателей за движением поездов, за графиком прохода патрулей охраны. На наше счастье, в группе был боец из местных жителей, он провел группу к железной дороге. Все рассчитав, мы заминировали железнодорожное полотно в трех километрах от станции Сущево. Два бойца вправо, два влево от охраны, двое на установку (выбирать щебень) и двое относить мешок с грунтом в сторону. Мину поручили ставить командиру и мне. Это была ПМС-2 – в фанерной коробочке, с электровзрывателем, батареей и 100 граммами тола для детонации основного заряда. Мина неизвлекаемая. Решили для мощности заложить заряд 20 кг., чтобы если обнаружат, все равно пришлось подрывать. На всю операцию ушло примерно 10 минут. Маскируясь, быстро отходим на опушку леса примерно на 500-700 метров. Все возбужденные, колотит мелкая нервная дрожь. У всех на уме: взорвется или нет? При учении мы ведь не слышали взрыва и не знаем, какой он будет. Одним словом, все впервые.

Рассвело. Перед восходом прошли патрули. Не заметили. Вдруг слышим тонкий гудок паровоза. Вот появился и весь состав, примерно 15 вагонов. И вдруг – огромный черный столб дыма! Паровоз пылал, как спичечный коробок, шпалы разлетались тросточками, рельсы – нитками, все вагоны оказались под откосом. Все это неопишимо, это надо видеть! Волной от взрыва нас прижало к земле. Немцы открыли беспорядочную стрельбу в нашу сторону леса, по верхушкам деревьев свистели пули... Нами был уничтожен состав с военным имуществом. Второй заряд мины, к сожалению, был обнаружен, и его подорвали. Неслучайно тому, кто сможет обезвредить ПМС-2, обещали отпуск в Германию. Это были отличные мины!

Когда спустя полтора месяца мы прибыли в отдел, там уже знали все подробности диверсии. Очевидно, кроме нас в тылу работала наша агентура, которая давала сведения о действиях групп.

Дальше нам предстоял путь по всему Локнянскому району, где мы устанавливали связи с населением, выявляли предателей-полицаев, вербовали старост, которые потом были нашими помощниками. Распространяли много листовок и газету «Октябрь». В то время еще не было массового партизанского движения. Создавались отдельные группы, небольшие отряды. А с какой

радостью люди слушали правду о положении на фронте, рассказы о победе под Москвой! Спустя полтора месяца мы без потерь вернулись в Торопец. После выполнения первого задания нам был предоставлен отпуск «до особого распоряжения». Местные отдыхали по домам, остальные в Шатрах.

После небольшого отдыха дома, в деревне Косыгино, я был вызван в штаб НКВД. Здесь встретился с уже знакомыми мне ребятами из Вышнего Волочка. Ко мне подошел Альберт Храмов и сказал, что я зачислен в его группу, с которой мы пойдем в немецкий тыл. Группа из 10 человек была приглашена в кабинет на инструктаж к капитану НКВД Павлову. Инструктаж был краток и ясен: «Все вы уже побывали в тылу врага, - сказал нам капитан. – Вы стали опытными бойцами. Обращаю ваше внимание на особую секретность этого задания. Даже ваши товарищи из других групп не должны знать о том, что вы будете выполнять». На складе мы получили продукты, самозарядные винтовки СВТ, командир группы получил автомат ППШ, 40 кг. тола для подрыва поездов, пакеты листовок «Вести с Советской Родины» и районной газеты «Октябрь», и хорошо упакованный пакет весом примерно 15-20 кг. На вопрос: «Что в пакете?» - командир Храмов строго ответил: «Узнаете позже». Вечером нашу группу перевезли на торопецкий вокзал, а в полночь мы выехали попутным эшеленом на запад. К утру высадились на станции Великополье, дальше предстояло пешком идти на юг, в сторону Куньи. В местечке Капуй встретили своих товарищей – группу В.Терещатова. Вместе с ней переправились через реку Ловать, а с наступлением темноты перешли линию фронта в районе станции Чернозем. После тяжелого и утомительного перехода мы оказались в треугольнике Новосokolьники – Невель – В.Луки. мы очень устали, нестерпимо хотелось спать. Дневной отдых – и снова в путь. Вскоре мы расстались с группой Терещатова – они пошли в Невельский район, а наш маршрут – в Новосokolьнический, в сторону Идрицы.

Ориентируясь по карте-километровке, мы долго шли по незнакомой местности, обходя деревни, стараясь быть подальше от фронтовой полосы. В очередное утро выбрали высокий кустарник, где решили на несколько дней остановиться отдохнуть, а заодно выяснить обстановку и вести наблюдение за движением вражеских поездов на ветке Невель – Новосokolьники. Костров не разжигали – дым могли заметить из ближайших гарнизонов. Решили не рисковать. Когда выспались, отдохнули, командир группы вскрыл пакет с газетами «Октябрь». В газетах говорилось о жизни в Торопецком районе, работе села, о помощи фронту. Листовки призывали население оккупированных районов развернуть партизанскую борьбу. Когда командир Храмов вскрыл тяжеловесный секретный пакет, мы с удивлением увидели в твердом переплете, на качественной бумаге, примерно на 500 страниц книгу с золотыми буквами на обложке - «Правда о религии в России». Мы были поражены увиденным! В то время все мы были комсомольцами, воспитывались на атеизме. А тут, на тебе – церковная пропаганда! «А теперь вспомните, - проговорил Храмов, - когда капитан Павлов предупреждал нас об особой секретности. Вот эти книги мы должны распространить в Новосokolьническом

районе надежным верующим под расписку. Все это должно остаться строго секретно».

Что это была за книга? Во время длительных дневков мы ознакомились с ее содержанием. На первом листе, под пергаментом – портрет главного архиепископа. Далее портреты священнослужителей разных приходов. У многих на груди советские ордена и медали. Под фотографиями – молитвы, тексты проповедей, сообщения о вновь открытых церквях на освобожденной территории. Целый перечень приходов с указанием сумм, внесенных в фонд обороны страны. Насколько припоминается – на десятки тысяч рублей!.. На страницах книги рассказывалось, как на оккупированных территориях немецкие служители говорят нашим верующим неправду о положении на фронтах. Здесь же были фотографии русских храмов, разрушенных фашистскими бомбами и снарядами. Особенно запомнилась фотография, где из одной из новгородских церквей немецкий солдат выводит лошадь. В церкви они устроили конюшню...

В трудное время человек всегда обращается к богу. А за линией фронта оставались матери воюющих сыновей, мужей, верующие старики. И те, и другие молились за спасение и возвращение живыми своих близких. У немцев тоже работали церкви, но в них велись антисоветские проповеди с призывами помогать немецкой армии, покориться новым порядкам... «Клин клином вышибают, - пояснил Храмов. – Вот этот «клин» мы должны донести до верующих Новосокольнического района».

Выполняя это задание, мы прошли сотни километров по незнакомой пересеченной местности, по болотам и оврагам, избегая дорог, по безлесной местности, напичканной полицияями в каждой деревне. Не надеясь на помощь от партизан, которых в тех местах не было, мы от деревни к деревне несли верующим «Правду о религии в России». Нужно было видеть лица этих людей, с какой благодарностью принимали они от нас эти книги! А потом делились скудными продуктами, давали надежных проводников.

Когда мы распространили все книги, листовки и газеты, попутно собирая информацию об обстановке в районе, мы успешно заминировали железнодорожное полотно в двух местах, в каждом заряде было уложено по 20 кг. тола. Спустя два месяца, возвращаясь назад, от тех же верующих надежных людей мы узнали результаты минирования. На одной mine подорвалась немецкая дрезина. Мина была установлена вплотную к мосту с пролетом примерно 4-5 метров. Мост был также разрушен. На другой mine подорвался и сошел с рельс фашистский бронепоезд. За время рейда мы несколько раз наталкивались на полицаев. Нам было дано указание – в перестрелку не вступать, но однажды в кратковременном бою один боец получил ранение в ногу. Вскоре мы успешно перешли линию фронта, в том же месте, недалеко от станции Чернозем.

Задание было отмечено командованием, как успешно выполненное. Было собрано много разведанных о движении и дислокации войск противника, о режиме движения поездов, сведения о предателях-полициях по каждой деревне, где мы проходили. А главное – была донесена правда до оккупированных

верующих. Можно только догадываться, что группа Терещатова выполняла аналогичное задание в Невельском районе, как и другие группы в других районах Псковской области.

В начале 43-го наш отряд под командованием Федора Яковлева вместе с отрядом Терещатова, Вышневолоцким отрядом Бухвостова со станции Великополье прибыли в деревню Борки. Вернее, в бывшую деревню, так как ее спалили фашисты. На это задание я шел вторым номером ручного пулемета. Первым номером был мой друг и односельчанин Коля Иванов. До этого он ходил в других группах, а тогда судьба соединила нас вместе. Забегая вперед скажу, что с тех пор мы не расставались в боевом расчете до конца партизанской борьбы... Мы шли в разведке впереди колонны. По проезду перешли железную дорогу Новосokolьники – Дно. Кругом были огромные снежные заносы. Идя впереди, мы прокладывали маршрут. Все потные, нагруженные «по завязку», спешили уйти как можно дальше от линии фронта. В полночь сделали привал. И снова вперед. К утру, выбившись из последних сил, решили остановиться в деревне Алексино Локнянского района. Не успели мы как следует отдохнуть, как в деревню на лошадях нагрянули каратели. В бою мы захватили два станковых пулемета «Максим» с большим количеством патронов. Отряд потерял троих убитыми, 9 человек было ранено.

В дальнейшем почти каждый день нас не отпускали, пока мы не оказались в бригаде Карликова. К сожалению, в одной небольшой деревеньке, где мы остановились, отряд заразился тифозной вошью. Болезнь каждый день вырывала свои жертвы. Помню, я заболел седьмым по счету. Было это в марте 43-го года. Помню, как шел бой, а мы лежали на повозках в укрытиях. Мы знали, что в случае чего нас не оставят немцам на истязания...

Кудеверский район. Две ночи подряд привозят меня на озеро, чтобы отправить на Большую землю. Сажают нужных «языков» и своих раненых, больных. Дело в том, что самолеты были не наши, а бригады Карликова. Наконец на третий день, 18 марта, в мой день рождения Федя Яковлев посадил меня в самолет У-2, и я оказался в тифозном госпитале в деревне где-то вблизи Волока. Мокрые валенки, в которых я был доставлен, пришлось разрезать, ноги у меня были обморожены – сидел-то я в самолете в открытой кабине, за летчиком. Лечили от тифа, к тому же все ноги были в экземе и с обмороженными пальцами.

Когда я прибыл в штаб, мне поручили сделать письменный отчет обо всем, что было известно об отряде. Рации у нас тогда еще не было, а я был первый из отряда Яковлева. Потом мне выдали справку, что я нахожусь на отдыхе «до особого распоряжения». После истощения я набирался сил в своей деревне Косыгино, у матери. В конце апреля вернулся полуживой истощенный Коля, мой первый номер пулемета. Он рассказал, что пришлось пережить моим товарищам с середины апреля 1943-го года...

...В половодье немцы бросили против партизан фронтовую армейскую дивизию, которую поддерживали самолеты и артиллерия. Наши отряды уже были готовы к выходу на Большую землю: раздали местным партизанам пулеметы, боеприпасы. В это время началась карательная операция. В отряде

было много раненых и больных тифом. Коля рассказал, как погиб наш любимый командир Яковлев. Уроженец деревни Наговье, до войны он работал участковым милиционером, а в отряде был, как и все, добровольцем. Рассказал Коля и о гибели своего тезки Николая Горячева, который вез меня на санях к самолету. Они были в разведке, когда немцы их окружили. Товарищи погибли, а Николай подпустил врага вплотную и выдернул в гранате чеку. За этот бессмертный подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фактически оба отряда распались: было решено выбираться из окружения мелкими группами по 3 – 6 человек. Много людей погибло, много попало в плен будучи ранеными, больными. Потом их расстреляли. Без патронов, голодные, почти босые, немногие перешли линию обороны. Коля Иванов вдвоем с Колей Орловым вышли к своим в районе Холма...

Прах Феди Яковлева, Коли Горячева и Жоры Филина после войны был перенесен в деревню Алексеевская, что в 12 километрах от Великих Лук по дороге на Локню.

...Летом 43-го меня срочно вызвали в штаб в Торопец. Получив продукты, я отправился в деревню Шатры. Там уже были знакомые мне ребята из других групп и несколько человек из отряда Яковлева. Через несколько дней мы были на складе, где получили оружие и обмундирование. Заместитель начальника областного управления НКВД Крашенинников на инструктаже нам сказал, что линия фронта стабилизировалась, перейти ее без потерь маловероятно, и поэтому принято решение – перебросить нас на самолетах. Также было решено отдельные группы объединить в бригаду, командиром которой был назначен опытный чекист А.В. Назаров, не раз побывавший в немецком тылу с заданиями.

Жарким июльским днем мы прибыли на аэродром в поселок Старая Торопа. Командир бригады объяснил нам, что полетим мы на маленьких самолетах Р-5 и на планерах, которые будут буксировать самолеты. Переправка займет несколько ночей. Летим мы в Белоруссию, в партизанский край, Россонский район, деревня Селявщина. Там имеется аэродром для посадки самолетов. На этот раз на всех нас было армейское обмундирование, только без погон, яловые сапоги, новые фуфайки. Местные почему-то окрестили нас «москвичами».

Через несколько дней бригада была вся в сборе, в деревне Селявщина. К сожалению, не обошлось без жертв. Часть бойцов летела на планерах. Когда планер отцепили, он, по-видимому, потерял скорость и потерпел аварию. Погиб хороший парень Миша Пожарский.

Немного освоившись с обстановкой, бригада направилась на запад в Освейский район. Оттуда наш путь лежал в Полоцкий район. Мы с Колей во время рейда снова были вместе, в бригадной разведке с пулеметом. Группы уходили на диверсии, усиленно велась агентурная работа, ею занимались капитан Новиков и Михаил Кудрявский. Он был также старшим радистом.

Из Белоруссии мы направились в Себежский район, там мы обосновались в так называемой «Лоховне». Недалеко от деревни Лубьево среди болот в сосновом лесу оборудовали землянки. Отсюда во все концы постоянно направлялись группы на боевые задания: подрыв поездов, сбор разведанных,

за «языками». Вместе с местными отрядами мы участвовали в разгроме немецких гарнизонов, откуда пополняли запасы продовольствия. Не забыть одну ночь, когда бригада участвовала в подрыве рельсов на железной дороге Москва-Рига. В этой операции, носившей кодовое название «Концерт», принимали участие все бригады калининских партизан. Было подорвано все путевое хозяйство на десятки километров, выведены из строя мосты, железнодорожные стрелки, связь. Оккупанты были вынуждены привозить рельсы из Латвии. Продолжительное время, пока восстанавливали путь, поезда не ходили.

Несколько раз мы с группой разведчиков ходили к нашему осведомителю, который работал на станции Себеж. Домик его стоял рядом с железной дорогой. По пути мы часто останавливались в деревне Гаспарово. Ноябрьским морозным днем вместо нас пошли Беляков, Мочалов и Гребенщиков. Недалеко от деревни их встретили вооруженные люди с ленточками партизан. Они сказали, что прибыли из Белоруссии и предложили нашим ребятам зайти в деревню. Во дворе скомандовали «Руки вверх!», завязалась перестрелка. Мочалов был убит, Беляков и Гребенщиков ранены. Их захватили и расстреляли. Оказалось, что ребята встретили лжепартизан из отряда предателя Мартыновского.

Седьмой месяц мы были в тылу врага, запас боеприпасов был на исходе, заканчивалась взрывчатка. Для раций требовались батареи. Радисты Сережа Курзин и Михаил Кудрявский, передавая разведданные, сделали запрос о высадке самолетов с боеприпасами. Через несколько дней поступила команда готовить площадку для приема груза. Мы с группой ребят разложили костры из соломы. И вот, к нашей радости, слышим знакомый и такой родной для нас звук нашего У-2! Быстро зажигаем солому, вдоль площадки летит ракета. Самолет бросает вдоль линии костров ящики с патронами, гранатами без взрывателей, одеждой. Груз сбрасывали несколько ночей подряд. В одну из ночей самолет появился на большей высоте, чем обычно. Потом он сделал крутой разворот и пошел на посадку. Мы радостно подбежали к летчику, а он сказал, что это у него второй случай вынужденной посадки. Наша площадка, где мы принимали грузы, была мала для взлета. Летчик сразу шагами замерил длину площадки, после чего сказал, что «если спилить на опушке деревья, взлетать вполне можно». После этого все самолеты прилетали с посадкой.

Итак, мы снова запаслись боеприпасами, одеждой, частично продуктами. Все распределили по отрядам, между отделениями. Часть груза оказалась «про запас». Надвигалась карательная экспедиция немцев. Мы готовились перебазироваться в Опочецкий район. Куда упрятать боеприпасы? Решили выкопать яму, все в нее уложили, закопали и поставили крест с вымышленной фамилией. Комбриг поручил мне и Жене Крашенинникову заминировать «могилку». Мы поставили четыре противопехотные мины по бровке и две по центру. Бригада направилась в Опочецкий и Кудеверовский районы. В марте 1944 года после выполнения заданий командования мы вернулись в «Лоховню», на свою базу. Землянки были разрушены фашистами, «могилка» не тронута. Меня вызвали в штаб бригады, где комбриг Назаров отдал приказ

разминировать склад боеприпасов. При поступлении в отряд мы проходили технику установки мин, их устройство, а вот разминирование – как говорится, это мы не проходили... Комбриг сказал, что Женя на задании, и разминировать придется мне одному, мол, будь осторожен... Подхожу к яме, осторожно расчищаю снег. Расположение мин мне было известно. Когда стал снимать слой земли, оказалось, что после оттепелей грунт промерз, и тут впору применять ломик, что невозможно – последует взрыв. Что делать? От бессилия и ужаса меня пробил холодный пот. За доли секунды пронеслись мысли: приказ должен быть выполнен, бригаде нужны боеприпасы! Доложить о невозможности? Вспомнил слова инструктора, что минер-сапер ошибается один раз в жизни. Как мне захотелось жить! Мгновенно вспомнил о матери, родных местах, друзьях. В стороне дымилась кухня, слышался смех девчат-поваров. Чтобы немного оттянуть время, поговорить, подошел к ним. «Что такой хмурый?» - спрашивают. «Есть хочу», - отвечаю невпопад. И тут меня озарило! Хватаю ведро, прямо из котла черпаю кипящую воду и под ругань поварахи Жени Бертовой бегу к яме. Осторожно по очереди поливаю на каждую мину кипятком – и из-под небольшого слоя земли оголились все шесть мин! Осторожно приподнимаю у каждой крышку, вынимаю взрыватели нажимного действия, все складываю в ведро и с радостью бегу в штаб... Позже, когда все это рассказал комбригу, он, конечно, похвалил меня за находчивость.

Середина 44-го. Мы в тылу уже восьмой месяц. Командование дало приказ готовиться к выходу в Белоруссию. От разведчиков поступили сведения, что готовится крупная карательная экспедиция. Бригада латышей ушла в Латвию, бригада Гаврилова – в Опочечский район. Пришла и наша очередь. Засветло мы покидали обжитые и любимые места. Наш путь лежал на запад вдоль латвийской границы в Освейский район. Выстроившись колонной, мы прошли мимо нашего «аэродрома» в деревне Лубьево. В полночь подошли к железной дороге на участке Себеж - Зилупе. Мы с Колей в составе группы разведчиков впереди колонны. Внезапно с высоты по другую сторону железной дороги по нам открыли огонь из автоматов. Подавив огонь ответным шквалом, мы вбежали на высоту. Слева от нас велась пулеметная стрельба. Назаров дал команду Николаю прикрывать переход бригады. Были мы впереди колонны, а оказались одни на высоте для прикрытия бригады огнем. Из деревни по нам бил пулемет, Коля в ответ «поливал» из своего. Я успевал только подавать диски, крича: «Коля, давай, давай!» У меня было пять запасных дисков и, признаюсь, мне хотелось их пустить в ход, чтобы легче было бежать! Когда хвост нашей колонны стал приближаться к кустам, мы сорвались и одни, под огнем, побежали догонять бригаду...

Прошли года, но этот момент боя мне никогда не забыть! Это был, пожалуй, самый печальный момент в моей партизанской деятельности. Наши уходили и, казалось, совсем забыли о нас... Когда, наконец, мы пришли в Освейский район, всех нас на самолетах У-2 переправили на Большую землю. Жизнь продолжалась.

По страницам истории (публикации разных лет)

*Из материалов сборника «Не забудем, не простим»
(«Не забудем, не простим» – Калинин, 1942)*

Мало ненавидеть врага – его надо уничтожить.

Перед нами – фотоснимки. Целый альбом, найденный у убитого немецкого офицера. «Хорошие» фотографии, хорошо сделанные, четко отпечатанные. На одной из них запечатлен момент: трое фашистских молодчиков бессмысленными глазами на самодовольных лицах уставились в фотоаппарат. В руках у молодчиков ошипанные куры, отнятые у местного населения. На другом снимке изображена казнь двух советских работников тт.Ларионова и Евграфьева. Их тела беспомощно повисли на дереве, а в стороне стоят и с усмешкой любуются этой картиной шестеро гестаповских молодчиков. Среди них и офицер – владелец альбома. Вид у него бравый, офицер щеголеватый, вылощенный.

Подробности этого дела таковы: Евграфьеву гестаповцы предлагали сохранить жизнь, если он выдаст коммунистов. Он отказался. Когда его вешали, веревка оборвалась, и он упал. Он крикнул немногим стоявшим на площади русским людям: «Смелей, товарищи, боритесь за свободу!» Его снова повесили. Вооруженные палачи убили тело безоружного человека, но дух его сломить не могли.

Рядом снимок, изображающий грустно-веселый, милый русскому сердцу пейзаж: выпал первый снег. А палач тоже любил красивые пейзажи!

Не он ли, этот хладнокровный, лощенный выродок убил девочку из Красносельского сельсовета. Ее нашли на 8 километре от Торопца, на Холмском шоссе. Очевидец рассказывает: «Ткнулась на елочку, так и замерзла, а рука вперед, и в ней зажаты метрики...рождения 1929 года».

Неподалеку от девочки, на дороге валялись трупы мирных граждан.

Дело было так. Колхозницы деревень, расположенных близ Торопца, слышали, что в городе содержатся наши военнопленные. Женщины, в надежде найти в их числе своих мужей или братьев, захватили гостинцев и отправились в город. Навстречу ехали на лошадях немцы из карательного отряда. Они были навеселе. Бандиты без всякой причины остановили женщин и расстреляли их. Так было убито больше 60 ни в чем не повинных людей. Стреляли разрывными пулями.

В Торопце немецкое командование выселило всех евреев – 95 стариков, женщин и детей – в «зону» за льнозаводом. Их имущество реквизировали. Через некоторое время пришли эсэсовцы и заставили евреев рыть яму. После этого стали расстреливать всех их, а детям перерезали вены на руках и еще живыми бросали в яму. Многие падали в яму от ранения. Закопали неглубоко. Близ живущие жители долго еще слышали стоны из-под земли.

Вот рассказ торопецкой жительницы Людмилы Тонеевой.

«Мимо нашего дома, в ноябре это было, вели пленных красноармейцев. Вид у них страшный. Разутые, в одних гимнастерках, без шапок, истощенные. Один из здешних рабочих подошел и дал пленному кусок хлеба. Унтер-офицер, конвоир, увидел, подбежал, выхватил хлеб, растоптал его со злобой. А красноармейца сшиб и начал бить. Он бил его ногами (а сапоги тяжелые, кованые) по чему попало: по лицу, по голове, по груди. Пленный хотел подняться, но падал снова, руками загребая землю, а немец все бил и бил, пока не устал. Унтер приказал встать, не может...»

Чем измерить все это? Какими словами можно передать всю чудовищность злодеяний вооруженных гитлеровских выродков? Слов нет.

Есть гнев народный.

Партизан Торопецкого района поддерживало все местное население. У них не было зимней одежды – их одели, у них не было провианта – их кормили колхозники. Много фашистов перебили народные мстители.

Беспощадная месть фашистским убийцам и поджигателям!

Мать! Не твоего ли любимого сына, попавшего по несчастью в лапы пауков, топтал кованый немецкий сапог? Твоего сына, которого кормила грудью, называла нежно, вырастила статным и умным юношей? Жена! Не твоему ли мужу обломали немецкие бандиты руки – здоровые и сильные руки мужчины, которые могли делать замечательные и полезные вещи? Не наши ли дети и отцы, братья и сестры замучены в застенках гестапо? Не наши ли дома сожжены и разорены?

Все ли ты сделала для фронта? Помогла ли ты честным трудом на заводе, на колхозных полях своему сыну или мужу, брату или жениху, которые, не щадя жизни и крови своей бьются с фашистскими ордами?

Разве можно оставаться в стороне от борьбы! Разве можно быть равнодушным! Но если кто обнаружит хоть капельку этого равнодушия, пусть вытравит, выжжет эту капельку. Только ненависть, лютая ненависть к извергам рода человеческого, превращенная в дела боев и труда, может жить в честном советском человеке.

Н.Балакин.
Торопецкий район.

Дикая расправа над евреями

После того, как немецкая свора заняла город Торопец, был издан приказ, чтобы все еврейское население от 13 лет и старше носило на рукаве белую повязку с синей звездой.

Немного спустя все еврейское население города было согнано в отдельный дом-общежитие льнозавода, где они и жили, влача самое жалкое существование. Полураздетые (все имущество было отобрано немцами), полуголодные, они вынуждены были сидеть в четырех стенах, боясь попасть на глаза полиции и жандармерии.

В один из ноябрьских дней 1941 года жители заметили, что полицейские останавливали и отправляли по домам всех проходящих по улице. Движение прекратилось. Вскоре со двора общежития послышались раздирающие крики.

Подросток Миша Иванов вместе с двумя своими товарищами незаметно пробрался ко двору. В щели забора они увидели, что во дворе вырыты две огромных ямы, около которых стояла группа немецких солдат и два офицера. Через некоторое время жандармы вывели из дома пятерых евреев со связанными руками и поставили на краю ямы. Немецкие солдаты дали залп, несчастные упали в яму. Спустя несколько минут полицейские привели еще пять человек, в том числе женщин, с которыми поступили так же. Детей бросали в яму живыми на трупы матерей, а тех, кто цеплялся ручонками, здесь же умерщвляли.

Так было уничтожено 95 человек, в том числе 15 детей в возрасте от 1 года до 13 лет.

После жуткой расправы, довольные «работой», палачи любовались своими жертвами и затем всю эту массу живых и мертвых тел закопали.

*Записано Л.Лисовской
со слов жителей города Торопца.*

Мы не сложим оружия

Акт. Мы, граждане деревни Рокотово, Кудрявцевского сельсовета, Торопецкого района – Дубровская Мария, Дмитриев Павел, Борисова Анна и Минаева Прасковья были свидетелями зверства немецких бандитов над мирным населением нашей деревни.

1-го октября 1941 года в нашу деревню прибыл немецкий карательный отряд. За связь с партизанами ими были взяты Дубровский Федор 1905 года рождения, Иванов Василий 1912 года рождения, Дмитриев Алексей 1920 года рождения.

После допроса в селе Гушино, Скворцовского сельсовета, всех троих заставили вырыть себе могилу и затем расстреляли.

Минаева Прасковья Федотовна 1914 года рождения, жена командира Красной Армии, за связь с партизанами была немцами избита до полусмерти. Борисов Петр 1922 года рождения был угнан немцами работать в гор. Торопец в январе 1942 года. Борисов убежал от немцев и угнал лошадь, по дороге фашисты нагнали Борисова и расстреляли.

**Граждане д. Рокотово,
Торопецкого района**

Вот кого и за что они убивали

Справка о расстрелянных и повешенных фашистскими захватчиками
в Торопецком районе

Расстреляно и повешено 193 человека.

В том числе:

членов и кандидатов ВКП(б)	– 9 чел.
членов ВЛКСМ	– 14 »
беспартийных	- 170 »
русских	– 98 »
евреев	– 95 »

По причинам:

за связь с партизанами – 36 чел.
за ношение оружия – 18 »
без причин - 136 »

По материалам торопецкой районной газеты «Знамя труда»

А.Кулевкин

Партизанские дети

Как-то довелось услышать, что памятью прошлого живет будущее. Поэтому и не вправе мы забывать пережитое народом в годы фашистского нашествия, чтобы лучше ценить настоящее, понимать, что сейчас все мы вместе и каждый в отдельности своим трудом умножаем силу страны, ставим преграду войне. Потому что мир нам дороже всего на свете. У истоков моего рассказа – Елена Васильевна Семенова. Это она поведала, что пережила, перенесла только одна крестьянская семья. А таких было десятки и сотни тысяч.

Деревня Киловка Идрицкого района, входившего в те далекие годы в состав Калининской области. Здесь и проживала семья Василия Ильича Трофимова. По нынешним временам семья довольно обширная: трое взрослых да пятеро детей. Жили дружно. Глава семьи был колхозным животноводом, мать с бабушкой вели домашнее хозяйство, обихаживали ребятню, не отказывались от колхозной работы. Василия Ильича в деревне уважали: работник что надо, активист.

Лето в том сорок первом году стояло на редкость благодатное. Наливались в полях хлеба, леса уже дарили людям свой урожай. Никто не чуял беды, а она уже надвигалась. В один из июньских дней отец пришел с фермы хмурый. Из Идрицы в правление сообщили: война. Мать заплакала, бабушка запрочитала. Наутро отец с гуртом скота ушел на восток.

А в окрестных деревнях тишина. Да недолго длилась. Вскоре загрохотали короткие бои, а потом через Киловку прошли немецкие танки, началась трагедия оккупации. В их глухой деревеньке немцы бывали наездами. Забирали все, что не успели люди поспрятать, и уезжали.

К осени вернулся отец. С гуртом до места не добрался, фашисты перерезали путь. Сдал скот нашим воинским частям, попавшим в окружение. Зимой деревенские пережили спокойно. А весной по доносу старосты Пшеничного отца арестовали. В конце лета ему удалось бежать. И с осени 1942 года отец стал бойцом 10-й Калининской партизанской бригады, которой командовал М.А.Лебедев, а с января 1943 года – великолучанин Н.М.Вараксов.

Из деревеньки Киловка ушли тогда в партизаны все оставшиеся мужчины и даже 16-летние подростки.

О героизме и доблести партизан широко известно всем. Но, пожалуй, не меньшие стойкость и мужество потребовались от их семей. Вот и Лена с мамой, бабушкой и четверьмя младшими братишками остались в родной деревушке. А в январе сорок третьего ворвались туда каратели. Семьи партизан, предупрежденные заранее, успели укрыться в лесу. Дома их фашисты сожгли,

все нажитое пошло прахом. Односельчане приютили погорельцев, как могли, утешали: «Хоть сами живы остались, вон в Макарове стариков, женщин, детей загнали в амбар и живых спалили...»

- У нас семья большая, а в той, что приютила нас – десятеро. 17 человек в одной небольшой избе. Хоть и делились друг с другом последним куском, жили впроголодь, - вспоминает Елена Васильевна.

Самой Лене все время хотелось есть. Но еще страшнее было видеть, как мучаются братишки, как пухнет от голода бабушка. Фашисты в деревню наведывались нечасто, зато «свои» предатели-полицаи свирепствовали всюду.

Не раз измывались над Лениной мамой, угрожали ей пытками, но и сами боялись заслуженной кары.

Неизмеримым было мужество партизанских жен. Безоружные среди вооруженных, они и детей берегли, голодая сами, отдавали последнее в лес партизанам. В августе сорок третьего получили тревожную весть от партизан: «Уходите, идут каратели». Успели скрыться. Больную бабушку Варвару с помощью соседей тоже унесли с собой. Рыли землянки, когда возникала опасность, уходили на новое место и снова рыли.

К концу зимы силы взрослых были на пределе. Умерла бабушка, в семье Трофимовых осталось шесть человек. Другие партизанские семьи тоже редели.

Умирали старики, женщины, дети.

Близость фашистов заставляла быть все время в напряжении. Не было спичек, соли, мечтали, как бы хлеба вволю поесть.

В феврале 1944 года у Трофимовых заболел младший, Гена. Мать осталась с ним, а также с Витей и Сашей в старой землянке. Лена вместе со старшим из братьев ушла долбить новую. В тот страшный февральский день в лесной крестьянский лагерь ворвались фашисты. Приказали всем выходить. Тех, кто не мог двигаться, расстреляли прямо в землянках. Остальных угнали в Идрицу.

Лена с Володей рыли землянку, когда к ним прибежало несколько подростков. Ленина тетя с двумя дочками, еще несколько человек – все, кому удалось убежать. Они рассказали о зверствах карателей, принесли ужасную весть: маму с детьми забрали с собой фашисты.

Ночью пошли в старые землянки, чтобы взять одежду, что найдется еще. Вдруг увидели на просеке что-то черное. «Ой, мертвый!» - испугалась Лена. Володя подошел ближе. «Нет, живой, теплый...» И вдруг закричал: «Лен, это наш Саша!» В морозную февральскую ночь сидел на пне и спал в изнеможении парнишка, их двенадцатилетний брат. Саша рассказал, как возле большой елки мама шепнула ему: «Прячься, сынок, ищи наших...» Фашисты не заметили исчезновения мальчика.

В новой небольшой землянке стали жить Лена с двумя братьями, тетя с детьми. Немногим позже другие деревенские вырыли здесь еще две землянки. Людей стало меньше, лишения переносились труднее. Мартовским морозным днем одна из дочек тети услышала голоса в лесу. Стали разбегаться кто куда. Лена не успела. В землянку ворвался фашист и наставил на девочку автомат. Выйдя на воздух, Лена увидела страшную картину. Из соседней землянки выскочила обезумевшая от страха шестнадцатилетняя Таня и с криком «Мама,

мамочка!» побежала по поляне к лесу. Каратель вскинул автомат и очередью прошил Таню...

Всех, кого захватили фашисты в тот день в лесу, согнали в деревню Руково и заперли в сарае. Братьев среди них не было. Утром арестованных увезли на машинах в Идрицу, затолкали в битком набитую конюшню, держали там без воды и пищи два дня. Утром третьего дня двери конюшни раскрылись, заключенных погнали на станцию, погрузили в вагоны и повезли. Для Лены начались страшные дни фашистской неволи.

Сначала концлагерь в Литве возле Паневежиса, а потом с апреля 1944 года – Германия, концлагеря около Бреслау, «Бунслав», «Рабштайн». Русские, французы, итальянцы – каторжане со всей Европы. Гоняли на работу, невзирая на возраст, с семи утра до семи вечера. Держали в бараках за колючей проволокой, кормили баландой из гнилой брюквы и моркови. Эрзац-хлеб давали раз в пятидневку, по 300 граммов на день. Это было одним из приемов изощренного издевательства. Изголодавшиеся люди сразу же «хлеб» съедали, а потом пять дней сидели на одной баланде. За малейшую провинность наказание, побои. 8 мая 1945 года Лена на работу не пошла, не могла подняться, не было сил. В полдень узники побросали работу, пришли в бараки, рассказали, что конвой и охрана разбежались. К вечеру пришли наши. Радости не было предела, плакали, обнимались...

Потом – возвращение на Родину. Из Идрицы пешком пошла в Киловку. На месте деревни торчали печные трубы. Тут узнала страшную весть: мама подорвалась на mine. В одной из землянок нашла обмороженных братишек.

Осенью вернулся из армии отец, заболел и вскоре умер. Из большой семьи Трофимовых остались только дети. Приближались холода. Лена поняла, что одним им зиму не перенести. Пошла в сельсовет, там сказали, что всех сирот направляют в детские дома. Лена повела Сашу, Витю и Геню в Идрицу. Там приобули ребят, сказали, что поедут они в Торопец, в детский дом. На прощание напутствовала Сашу: «Ты среди вас старший, смотри за младшими и напиши, как устроились».

Через две недели от братьев пришло письмо. Саша сообщал, что детский дом за озером, в деревне Знаменское. Что первым делом помылись в бане, оделись во все новое. Каждый день хлеб едим, спим в чистых постелях, писал брат. В конце Саша просил сестру приехать, посмотреть, как они хорошо живут.

Лена быстро собралась и отправилась в Торопец. Тут узнала, что до Знаменского можно добраться пешком вокруг озера, а можно и напрямую на лодке. На берегу повезло, мужчина в плаще и сапогах взял ее с собой, сказал: «Вон за озером церковь, это и есть Знаменское».

Переправившись шла по аллее в ожидании встречи. Подбежал мальчишка: «К кому?» «К Трофимовым». Шустрый мальчонка стремглав помчался вверх по аллее. А через несколько минут Лена увидела, как навстречу бегут братишки. Хорошо одетые, поправившиеся, глаза светятся радостью. Показали братья спальни, школу, столовую. Не удержалась Лена, заплакала: что пережила в

лесу, в фашистской неволе и что видит. Братишки заволновались: «Чего плачешь?» «От радости. И кого только благодарить за это?»

Проходивший мимо мужчина, услышав ее последние слова, сказал: «Советскую власть, дочка!» Когда мужчина ушел, Лена спросила у ребят: «Кто это?» «Наш директор, Михаил Алексеевич Стехновский».

Возвращаясь, директор заметил: «На обед не опаздывайте, сестру пригласите». После обеда Михаил Алексеевич долго разговаривал с Леной. Подбодрил: «Не унывай, жива партизанская семья, жива в вас, в детях».

Потом спросил: «А может, хочешь работать у нас, скажем, помощником повара? Согласна? Утвердят штатное расписание - напишу».

В январе 1946 года Лена получила открытку. Приехала в Торопец и стала работать, как и обещал директор, помощником повара. Так она сама настрадалась и намучилась во время оккупации и фашистской неволи, столько насмотрелась на пухнувших с голоду ребятшек, что на всю жизнь выбрала и остается верна своей главной профессии – кормить детей.

По-своему сложилась судьба у каждого из братьев Елены Васильевны. Владимир работал газосварщиком, сейчас на пенсии, живет в Воронеже. Воспитанник Торопецкого детдома Виктор – электросварщик в городе Жданове. Геннадий живет и работает в Ростове-на-Дону. Печальна память об Александре, машинисте торгового флота, который умер в плавании.

А сама Елена Васильевна? Вот уже сорок лет не расстается она с профессией, на которую ее направил М.А. Стехновский. 17 лет была помощником повара в Торопецком детском доме, 23 года – в городских детских учреждениях. Минул пенсионный возраст, но каждое утро спешит она, трудолюбивая, скромная женщина, в сад-ясли №4. Там ее ждут, там нужны ее хлопоты.

А.Кулевкин.

Торопецкая Хатынь.

Торопец, небольшой городок у отрогов Валдая, фашисты захватили в августе 1941 года. Не только человек, даже природа осиротела с приходом в наши края этих «цивилизованных» варваров, принесших на своих штыках ненавистный советским людям «новый порядок», который и заключался в том, чтобы чинить злодеяния, уничтожая, насилуя, сжигая ни в чем не повинных людей: женщин, детей, стариков. Разве можно забыть Бабий Яр Киева, крематории Освенцима, Майданека и других лагерей смерти, Хатынь многострадальной Белоруссии?..

В нашем районе есть своя, торопецкая, Хатынь. Это деревня Сувидово Грядецкого сельсовета. Карательный отряд фашистов ворвался туда 21 октября 1941 года. Жителей, кого застали на месте, согнали в дом Ратниковых. Среди них была и семья Харитоновых. Только в этой семье было 10 детей. Самой бойкой из них была Анна, ребята прозвали ее «Нюрка-солдат». Прозвали за то, что шестиклассница не давала спуску никому, даже мальчишек, случалось, лупила. Школу Нюра любила крепко. Несколько раз зимой она прибежала из Сувидова в Грядцы почти босиком. Появится в школе, учителя и ахнут:

- Как же ты так?

- Учиться хочу, - отвечала Нюра, - а отец заставляет ребят нянчить и поршни спрятал, чтобы в школу не ушла... (Поршни – это самодельная обувь)

После того, как все население деревни согнали вместе, офицер на ломаном русском языке спросил, все ли жители деревни собраны. Харитонов сказал: «Я дочку кликну, она тут поблизости скот пасет». Еще несколько человек побежали звать своих родных, что были в отлучке неподалеку. Отец, увидев дочь на ближнем лужке, крикнул: «Нюрка, иди в деревню, немцы всех собирают». «А скотина как? – ответила та. – Не пойду».

Не знала Нюра, что видит отца в последний раз.

В тот день в деревне Сувидово фашисты убили и сожгли 67 человек мирных жителей, женщин, стариков и детей, уничтожили в огне 30 домов, по сути всю деревню.

Из объятый пожаром деревни Сувидово карательный отряд отправился через хутор в деревню Заовражье. Когда гитлеровцы пришли на хутор, жители, собравшись в одном доме, обедали. Большинство сидело за столом, несколько человек находились на кухне, а Мария, молодая женщина, пошла со своей подругой в кладовку за салом.

Фашисты, ворвавшись в дом, расстреляли всех. Мария с подругой ползком добрались до овражка, а оттуда до леса рукой подать. Мария сказала: «Айда к лесу...» «Сомлела я, - ответила ей подруга, - ты беги, а я здесь останусь».

Мария выскочила из овражка и побежала. Лес был уже совсем близко, когда раздались выстрелы, потом еще и еще. Мария споткнулась, сделала несколько шагов и упала. Полежала немного и поползла. Гитлеровцы, увидев, что не убили, а только ранили женщину, кинулись ее догонять...

На следующий день, когда оставшиеся в живых жители деревни Заовражье пришли предать земле тело Марии, они увидели страшную картину: тело женщины было изуродовано, прямо-таки разодрано на части штыками...

Здесь же на хуторе гитлеровцы зверски убили подростка – комсомолку Машу Васильеву. Когда каратели подходили к хутору, она с подругой решила спрятаться в лесу, благо он был рядом. И тут Маша вспомнила:

- Ой, комсомольский билет в доме остался! Подожди здесь, я за ним быстро сбегаю.

Подруга отговаривала, но Маша решила:

- Нет, я пойду.

Лес кончился, дальше она ползла огородами и уже добралась почти к самому дому, как раздались выстрелы. Стреляли в Маню. Она вскочила и тут же упала. К ней подошли два гитлеровца, взяли за руки и ноги, раскачали и бросили в горящий дом...

Когда гитлеровцы оккупировали наш район, семью Васильевых из Заовражья они отселили подальше от большака, в Гальяново. Не дали даже картошку выкопать. А при фашистах жилось голодно. В октябре 1943 года отец Евгения Тихоновича Васильева, заведующего начальной школой, что находилась в Заовражье, на лошади съездил из Гальянова в Заовражье. Вернувшись, сказал, что в деревне пока тихо, гитлеровцев нет. Решили, не

откладывая, выкопать там картошку. 21 октября семья Васильевых недалеко от деревни Заовражье копала картошку и не знала о надвигающейся беде. Каратели ворвались туда во второй половине дня. Оцепили деревню, подожгли дом Машенковых. Дом пылал, а тем временем гитлеровцы согнали всех жителей, разделили их на две группы: в одной женщины, в другой мужчины. Потом женщинам разрешили идти домой. Предчувствие беды удерживало их на месте. Отойдя в сторону, стали ждать. Офицер подошел к группе, где стояли мужчины, старики, подростки и спросил на ломаном русском языке:

- Кто ест коммунист, комсомолец, активист?

Все хмуро молчали. Гитлеровец, срываясь на крик, повторил вопрос. Из группы, глупо улыбаясь, вышел умственно отсталый Александр Васильев. В народе его звали «Сашка Барин». Дурашливо хихикая, он тыкал пальцем то в одного, то в другого, приговаривая «комсомолец», «комсомолец». Фашисты схватили шестиклассника Лешу Константинова, семиклассника Володю Лагунова и поставили их на краю канавы. Туда же солдаты поставили еще шестерых мужчин и стариков.

В это время Володе Громову удалось незаметно отойти за ближайший сарай. Недалеко от него он увидел лошадь, вскочил на нее и поскакал. Гитлеровские солдаты стали по нему стрелять. После первого же выстрела Володя, вскинув руки, упал с лошади.

Враз стало тихо, люди, оцепенев от ужаса, молчали. В наступившей тишине зловеще прозвучал вопрос офицера: «Кто еще ест комсомолец, активист?»

- Учитель,- глупо улыбаясь, сказал «Сашка Барин», - учитель картошку копает.

- Где копает? – спросил офицер.

- Там, - показал рукой Сашка.

Офицер грубо толкнул Сашку к краю канавы, туда, где уже стояли восемь человек. Короткая команда. залп, другой, и девять человек, сраженные гитлеровскими пулями, упали в канаву. Офицер с несколькими солдатами быстро зашагал из деревни к полю, туда, где Васильев Евгений Тихонович с отцом копали картошку. Валентина Ивановна Васильева, учительница, жена Евгения Тихоновича еще в обед пришла в деревню варить картошку и отнести горяченькой на поле. Она была свидетелем зверской расправы фашистов над жителями Заовражья. И когда офицер с солдатами пошли по дороге к полю, она кинулась туда кратчайшим путем, через перелесок. Евгений Тихонович с отцом споро работали, как вдруг услышали в деревне выстрелы, потом еще и еще.

- Фашисты, - сказал Евгений Тихонович.

- Они, сынок, они проклятые... - с болью и грустью сказал отец.

Решили спрятать лошадь в ближайшем лесу. Когда вели ее туда, в деревне вновь раздались выстрелы. Спрятав лошадь, направились было к дороге, что ведет в деревню, как увидели: из перелеска по полю к ним спешит Валентина Ивановна.

- Бегите, - едва переводя дыхание, сквозь слезы сказала она, - людей убивают и вас убьют...

Не до подробностей было, увидели, что из деревни к ним идут гитлеровцы, офицер и несколько солдат. Скрыться не сумели. Евгения Тихоновича Васильева схватили и увели в школу. Случайным свидетелем того, что происходило здесь, оказалась одна из женщин, которую оккупанты заставили носить воду и топить печь. Как только учителя привели в школу, офицер начал допрос.

- Вы ест начальник школа. Эта карашо, - сказал офицер и начал выпытывать, кто в деревнях комсомолец, активист, коммунист. Евгений Тихонович спасет себе жизнь, если сообщит об этом.

Офицер положил перед Евгением Тихоновичем бумагу, карандаш и сказал:

- Пишите и будете жить, мы вас наградим. Иначе – смерть.

Евгений Тихонович ответил:

- Ничего писать не буду.

В это время в класс, где шел допрос, вошел солдат и что-то сказал по-немецки.

Офицер утвердительно кивнул ему. Солдат вышел и сразу же другой солдат ввел в комнату Валентину Ивановну, жену Евгения Тихоновича.

Офицер сказал:

- Свидание десять минут, - и вышел с солдатами из класса.

От предчувствия страшной беды она не могла произнести ни слова. Смотрела на мужа, по щекам неудержимо текли слезы.

- Береги себя, Люсю, - сказал Евгений Тихонович, и почти тут же вошел офицер. Произнес:

- Свидание окончено.

Валентина Ивановна сделала несколько шагов к двери, покачнулась и потеряла сознание. Фашистские солдаты схватили ее, выволокли из школы, бросили у крыльца. Офицер прошелся по классу, посмотрел на чистый лист бумаги, раздраженно произнес:

- Не хотите писат, говорите, кто ест комсомолец, коммунист.

Евгений Тихонович спокойно ответил:

- Говорить с вами не о чем.

В бешенстве офицер подскочил к Евгению Тихоновичу, сильно ударил по лицу и, выходя из класса, что-то сказал солдатам. Жители Заовражья видели, кто из окон, а кто из-за дома, как офицер и пьяные солдаты вели заведующего школой Васильева Евгения Тихоновича, видели, как к офицеру подошла 70-летняя старушка и, вцепившись в полы офицерского сюртука, кричала:

- Куда, куда вы ведете? Он никому плохого не сделал, он детей учил, отпустите учителя!

Офицер сильно ударил по рукам старушки, схватил ее за плечо, швырнул к Евгению Тихоновичу и сказал:

- С ним пойдешь...

Гитлеровцы поставили их рядом у стены сарая. Раздался залп, учитель вздрогнул, но остался стоять, не упал. Старушка схватилась руками за живот, согнулась, сделала несколько шагов вперед и ткнулась лицом в землю. Раздался

второй залп. Евгений Тихонович упал, снова поднялся и встал, преодолевая боль, крикнул:

- Красная Армия придет, за все вам отомстит.

Раздался третий залп. Васильев Евгений Тихонович упал и затих. Фашисты не разрешили убирать тела убитых. Но когда они шли из деревни, жители Заовражья захоронили 12 человек односельчан в братской могиле.

Несколькими месяцами позже, в январе 1942 года, уже перед самым освобождением Торопецкого района от фашистских оккупантов, гитлеровцы зверски убили в деревне Лоховка Грядецкого сельсовета коммуниста, учителя Дубовогорской школы Павла Баранова. Вот как это было.

В январе 1942 фашисты послали в извоз Павла Баранова и Германа Грядецкого, заставили их возить сено и снаряды в ящиках в сторону Старой Торопы. Несколько дней Павел и Герман работали в извозе. Несколько возов сена спрятали в лесу, а когда возили снаряды, несколько ящиков утопили в реке Торопе. Гитлеровцы заподозрили неладное, не досчитавшись, очевидно, большого количества грузов. Германа и Павла арестовали.

Грядецкому удалось бежать, до самого прихода Красной Армии он скрывался в лесу. Продукты в лес на лыжах носил ему брат Сергей.

Павла Баранова гитлеровцы привезли в Лоховку, туда же затребовали старосту Гусарова и волостного старшину Федосеева, который до революции был городским в Торопце. Гусаров и Федосеев выдали Павла Баранова. Подтвердили, что он коммунист, учитель Дубовогорской школы. В избе Конновой Марии Петровны, в деревне Лоховка, Павла Баранова зверски пытали. Фашисты били его шомполами и прокалывали тело штыками, морозной январской ночью, раздетого, едва державшегося на ногах, вывели за деревню и расстреляли у большой березы.

...Уходят все дальше и дальше в историю те страшные годы военного лихолетья. Говорят, что время горы рушит, горе глушит. Но сколько бы лет ни прошло, мы никогда не забудем и не простим фашистам тех зверств, которые чинили они в нашей стране и на территории других государств.

Забыть это - значит предать тех, кто отдали свои жизни за нашу жизнь.

Железняков П.А., гвардии майор в отставке.

Бои за Торопец

После освобождения г. Андреаполя 16 января 1942 года, проведя перегруппировку некоторых частей, войска 4-й ударной армии продолжили наступление на Торопец и Старую Торопу. Оставшиеся из разбитой андреапольской группировки части противника под натиском наших войск отходили на Торопец и к станции Западная Двина. К этим пунктам противник подтягивал и свои силы, намереваясь остановить наше наступление и удержать важный стратегический пункт, каким являлся Торопец с проходившей через него железнодорожной магистралью Осташков – Великие Луки. Из Торопца же выходило и несколько шоссежных дорог.

Упорные бои за город начинались на дальних подступах. Опираясь на промежуточные пункты сопротивления, используя при этом танки и авиацию, фашисты неоднократно переходили в контратаки.

Мне было приказано с подразделением разведчиков в ночь на 19 января захватить населенный пункт Речане, где пересекались шоссеиные дороги на Великие Луки, Западную Двину и Нелидово, а также находился мост через реку Торопу. На рассвете 19 января задача была выполнена, да так успешно, что мы не имели потерь со своей стороны. Действия происходили так неожиданно для охраняющих деревню Речане и мост в ней, что противник не успел даже произвести какую-либо стрельбу.

Бойцы 249-й стрелковой дивизии под командованием генерала Тарасова и бойцы 48-й стрелковой бригады, умело маневрируя на лесистой местности, обошли ряд опорных пунктов противника и с разных сторон к вечеру 19 января 1942 года неожиданно подошли к Торопцу. Окруженная бойцами 917-го стрелкового полка и нашими разведчиками рота противника сложила оружие и сдалась в плен.

На рассвете 20 января 1942 года и к середине дня 917-й стрелковый полк и наша разведка овладели товарной станцией, депо и складами, а к вечеру заняли железнодорожный вокзал. Прорвавшиеся с севера войска 48-й стрелковой бригады были встречены сильным огнем противника и остановились. Тем временем 921-й стрелковый полк нашей дивизии ворвался на восточную окраину города, 925-й стрелковый полк захватил деревни Коптево и Заликовье, вели бои на южной окраине города и отрезали фашистам пути отхода на запад. Упорные бои продолжались весь день.

В результате упорных двухдневных боев был полностью освобожден наш древний город Торопец.

В Торопце были захвачены большие трофеи, много оружия и техники, продовольственные склады и горючее. В ходе боев за город несколько подразделений и групп противника во главе с офицерами сдались в плен.

После освобождения города Торопца перед 249-й стрелковой дивизией ставилась и другая задача: овладеть станцией Старая Торопа. Для выполнения этой боевой задачи был направлен лыжный отряд из приданных дивизии 67-го и 68-го лыжных батальонов, в котором и мне с разведчиками особого назначения пришлось участвовать.

В ночь на 21 января, совершив большой лыжный марш, бойцы-лыжники окружили станцию. Против одной роты советских бойцов, проникших в поселок с севера по Торопецкой дороге, фашисты бросили все свои главные силы, намереваясь разбить атаку наших бойцов одним ударом, но просчитались. В этот момент отважные лыжники пустили в бой свои главные силы, сосредоточив их юго-восточнее поселка. Вражеский гарнизон был разгромлен. К утру 21 января 1942 года боевая задача была выполнена.

В освобожденном поселке и станции Старая Торопа пути отступления немцам из Торопца на юг были отрезаны. Противник оставил на поле боя большое количество убитых солдат и офицеров, значительные трофеи. Около 400 советских военнопленных, готовившихся к отправке в фашистскую

неволю, было освобождено из фашистского лагеря. Было захвачено большое количество продовольствия, техники и оружия.

В этой наступательной операции особенно отличились бойцы 249-й стрелковой дивизии. И за успешные боевые действия в Осташковско-Торопецкой операции с выходом на железнодорожный узел Старая Торопа

249-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина и преобразована в 16-ю гвардейскую.